Конст. Өедор. Петровъ.

# Въ защиту старухи-грамматики.

(Смѣхъ и горе составителя русской грамматики).

Сѣдя на санехъ, помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади.

*(Владимиръ Мономахъ).*

1907.

PG
2021
93

Академия наук СССР
Институт научной информации
и фундаментальная библиотека
по общественным наукам

223
71

Типографія Акціонернаго О-ва „Слово“. Улица Жуковскаго, 21.

# ВЪ ЗАЩИТУ СТАРУХИ-ГРАММАТИКИ.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула:
По лицу земли
Туманъ стелется.
(Кольцовъ).

Сѣдя на санехъ, помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади. (Владимиръ Мономахъ).

Г. Дмитревскій (1880 г., мартъ, Филологическія записки) шелъ спасать русскую грамматику отъ тяжкаго ига... Онъ слезно молилъ, чтобы день 19 февраля, день освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, день, въ который онъ пишетъ предисловіе къ своей грамматикѣ, былъ днемъ освобожденія и для самой грамматики...

Прошло 26 лѣтъ послѣ похода и молитвы г. Дмитревскаго. Многое измѣнилось, и сама грамматика, покорная общему закону, вѣроятно, тоже измѣнилась.

Настало „освободительное движеніе“, появилась переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Добрались и до грамматики. Задумали уничтожить буквы ъ, ь, ѳ, і, э, ѣ и т. д. Г. Демчинскій писалъ фельетоны безъ ѣ, ъ, ь, і, э, образовывалъ общества „безъятниковъ“. Всполохнулась и Академія Наукъ. Поступили въ продажу азбуки безъ упомянутыхъ буквъ. Изъ моей книжки „Русскій языкъ“ ученики писали такъ: „Уж солнышко на ели, а мы еще не *ели*“. Передъ урокомъ русскаго языка ученики упражнялись на доскѣ: „мы ехали, ехали и не доехали“. Учитель улыбался. Всего теперь и не припомнишь, до какого изящества они дошли въ этомъ случаѣ. Въ „Новомъ Времени“ появилось маленькое, но ядовитое письмо г. Суворина о буквѣ ѣ. Изъ академиковъ составили комиссіи, и мало-по-малу движеніе начало стихать, и буква ѣ снова торжествуетъ въ печати, хотя, можетъ быть, торжество ея въ учебныхъ заведеніяхъ и не таково, какъ прежде *).

*) Надвигается на букву ѣ грозная сила въ лицѣ Государственной Думы. Она ополчается на тебя, о злосчастная, громомъ, бурею, огнемъ—молніей! Депутатъ Вознесенскій въ бурномъ засѣданіи 1907 г 4 мая въ 12 час. 13 мин. пополудни сказалъ, что все преподаваніе въ земскихъ школахъ „сводится къ несчастной буквѣ ѣ“. („Новое Время“ № 11186.) И если тебя и Государственная Дума не будетъ въ силахъ уничтожить съ лица земли, то ты, положа руку на сердце, вправѣ можешь тогда сказать:

„И подъ пепломъ я лежала
Полоненною,
И изъ пепла я возстала,
Неизмѣнною!“

Но походъ на бѣдную русскую грамматику не прекратился, не остановился. Среди разрушительнаго дѣйствія бомбъ, динамита, убійствъ, револьверовъ, полевыхъ судовъ, смертныхъ казней черезъ повѣшеніе, экспропріацій всевозможнаго рода по всей Россіи, фортовъ Шаброль на улицѣ Глинки, — въ маленькомъ Эртелевомъ переулкѣ, въ только что открывшейся женской гимназіи г-жи Бернаскони образовался изъ родительскаго кружка кружокъ преподавателей, идущихъ на тебя, о злополучная русская грамматика! Образовался и началъ засѣдать... Заманили туда на помощь противъ тебя и профессора Овсянико-Куликовскаго. Разослали листочки, въ которыхъ объявили: не существуетъ больше на свѣтѣ придаточныхъ сокращенныхъ предложеній, и весь синтаксисъ можно пройти въ двѣ недѣли! Ура! ура! ура!

...И ты (о злополучная русская грамматика!), подобравъ свой саванъ бѣлый, поползла въ оврагъ, въ кусты...

Въ это время въ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ, создается и печатается цѣлый планъ кампаніи дѣйствій противъ тебя, голубушка! Выходитъ „Курсъ русскаго синтаксиса для младшихъ классовъ, реформированный по научнымъ даннымъ—изслѣдованіямъ проф. Потебни, Овсянико-Куликовскаго и др. (напечатано безъ цензуры, помѣчено 1907 годомъ). Главнокомандующими избраны профессоръ Сакулинъ и г. К. Брешенковъ.

Бѣдная русская грамматика, провинилась ты передъ русскимъ народомъ! Сбрось съ себя тяжкіе грѣхи и пди навстрѣчу нуждамъ русскаго народа! И какихъ-то ты только названій не перетерпѣла, о злосчастная! И элементарная, и общедоступная, и упрощенная, и концентрическая, круговая, генетическая, космополитическая (такъ назвалъ мою книгу „Русскій языкъ“ рецензентъ „Педагогической хроники, № 6, 1880 г.).

Нѣтъ, видно, много ты нагрѣшила, о русская грамматика, что въ какую бы одежду ты ни облеклась, тебя не хочетъ знать русскій народъ: онъ все думаетъ, что ты хоть и въ новой кожѣ, да сердце у тебя все то же. И если ты даже одѣнешь національный костюмъ („Русскій языкъ“), то и тогда тебя не признаютъ русской.

Но ты не горюй! Всѣ походы на тебя тебѣ же на пользу. Въ горнилѣ бѣдствій ты увидишь, что̀ для тебя хорошо, что̀ худо.

Ты хорошо знаешь, что дѣло твое маленькое: ты возишься въ классной лабораторіи съ малышами, съ которыми нельзя говорить научнымъ языкомъ. Въ классѣ русскаго языка, или лабораторіи, ученикамъ показывается, какъ образуются формы въ языкѣ, какъ изъ словъ составляется предложеніе, какъ изъ нѣсколькихъ предложеній получается одно, какими способами можно выразить одну и ту же мысль и т. д. и т. д. Вотъ это и есть самое важное, чего враги твои никогда не хотятъ принять во вниманіе и съ высоты своего грознаго величія презрительно смотрятъ на тебя.

Ты не забываешь, что вмѣстѣ съ грамматикой ты знакомишь ребятишекъ съ образцовыми выраженіями нашихъ лучшихъ учителей языка, нашихъ писателей. Ты опытомъ дошла (недаромъ я называю тебя старушкой), что ни у кого такъ хорошо не научишься языку, какъ у нашихъ классиковъ, подражая имъ и запоминая ихъ произведенія.

Ты помнишь, что задача твоя—развить умственныя способности малыхъ сихъ. И развиваешь ихъ, въ зависимости отъ ихъ маленькаго мышленія, по силѣ возможности. Въ младшихъ классахъ такъ, а въ старшихъ уже нѣсколько иначе. Ты сообразуешься съ ихъ развитіемъ, съ ихъ кругозоромъ, съ ихъ понятіями. Ты не говоришь, какъ требуютъ того твои враги, въ младшемъ классѣ слѣдующаго: „имя существительное есть часть рѣчи, изображающая (?) совокупность признаковъ, т. е. цѣлый предметъ“. А говоришь гораздо проще: по рогожкѣ протягиваешь ножки.

Тебѣ другой разъ на урокѣ и захочется что-нибудь сказать ребятишкамъ болѣе научное, но ты видишь, что не въ коня кормъ, и молчишь... Въ старшемъ классѣ, со взрослыми, ты добираешься даже до того, что ученики вмѣстѣ съ тобой выводятъ, что нарѣчіе есть часть рѣчи, показывающая признакъ признаковъ, т. е. образъ проявленія ихъ...

Главнокомандующіе профессоръ Сакулинъ и г. К. Брешенковъ ставятъ тебѣ въ укоръ твое опредѣленіе предложенія и даютъ, вмѣсто него, таковое: „Предложеніемъ называется такое слово или такое сочетаніе словъ, которое содержитъ въ себѣ личный глаголъ, хотя бы и опущенный (стр. 16).

Неужели твое опредѣленіе хуже новаго? Представляемъ классъ. Преподаватель, стоя, говоритъ дѣтямъ: „иду я по лѣсу и встрѣчаю что-то какъ будто высоко поднявшееся изъ земли, покрытое мхомъ. Хочу это что-то поднять. Не подается. Учитель пишетъ на доскѣ: „ухъ!“ Начинаю снимать мохъ и вижу... камень. Пишу на доскѣ слово к а м е н ь. Обращаясь къ дѣтямъ, говорю: мы нашли предметъ и его признакъ. Какой онъ? Дѣти отвѣчаютъ—т я ж е л ъ. Прибавляю на доскѣ къ слову к а м е н ь слово т я ж е л ъ. Получилась мысль.

Вмѣстѣ съ дѣтьми опредѣляемъ, что мысль есть сознаніе признака въ предметѣ. Если мы сознаемъ признакъ въ предметѣ, — мы мыслимъ. Приводится со стороны дѣтей много примѣровъ, крайне интересныхъ своимъ разнообразіемъ. Въ родѣ такихъ: въ передней я одѣваю калоши на голову, а шляпу—на ноги: я не сознаю признаковъ въ предметѣ, не мыслю. Дѣти добираются, наконецъ, что предложеніемъ называется мысль, выраженная устно или письменно.

И это дѣлается не съ бухты-барахты. Говорятъ, что Стоюнинъ каждый урокъ, при прохожденіи синтаксиса, начиналъ такъ: дѣти, что-то я хочу вамъ сказать, узнайте! Дѣти начинаютъ узнавать и никакъ не могутъ узнать. Тогда Стоюнинъ п р е д л а г а л ъ свою мысль и начинался разборъ.

Опредѣливши предложеніе, учитель раздѣляетъ все предложеніе на 2 части: на логическое подлежащее и логическое сказуемое, что уже видно изъ написаннаго на доскѣ (камень тяжелъ). Беретъ болѣе распространенное предложеніе и тамъ указываетъ эти части.

Затѣмъ учитель велитъ открыть книжку „Русскій языкъ“ (стр. 28, примѣры для повторенія) и начинаетъ узнавать, кто изъ его учениковъ мыслитъ, кто нѣтъ. Кто не укажетъ въ предложеніи предмета мысли (логическое подлежащее) и признака (логическое сказуемое), тотъ не мыслитъ и не можетъ быть въ классѣ. У дѣтей ушки на макушкѣ.

Начинаемъ съ лучшихъ и читаемъ: Отведена царю природы сажень земли между могилъ. Сначала опредѣляемъ, кого называютъ царемъ природы и сколько въ сажени аршинъ. При этомъ, конечно, и не безъ курьезовъ. Нѣкоторые говорятъ, что царь природы — Богъ. Другіе усмѣхаются и тихонько замѣчаютъ: „закопать хотятъ“. Идетъ работа живая, веселая, развивающая умственныя способности дѣтей.

Дастъ ли новое опредѣленіе предложенія подобную работу? Интересно и то еще, что въ опредѣленіе его запутался нашъ бѣдный личный глаголъ, хотя бы еще и опущенный.

Сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ на всѣхъ языкахъ было такое же опредѣленіе, какъ и у насъ. А это важно: надо, чтобы дѣти во всѣхъ грамматикахъ языковъ находили соотвѣтственныя опредѣленія родному языку. Иначе дѣло дрянь—кто въ лѣсъ, кто по дрова. У французовъ — L'expression d'une pensée est une proposition (Margot, стр. 133, изд. 33-е 1894 г.) У нѣмцевъ: Der Satz ist ein in Worten ausgedrückter Gedanke (Brehme, Grieser и Masing)

Нѣтъ, новое опредѣленіе пахнетъ чѣмъ-то схоластическимъ, неудобоваримымъ для дѣтей, чѣмъ-то такимъ, которое должно быть воспринято только одною памятью. Какъ бы оно ни было хорошо и научно даже, и какъ бы ни было худо старинное опредѣленіе—за послѣднее говоритъ то, что оно жизненно для малышей и не пахнетъ мертвечиной, за него—столѣтія.

Пожалѣйте ребятишекъ! Произволъ въ этомъ отношеніи—опасное дѣло. Вонъ въ Нижнемъ-Новгородѣ: Ѳ. В. Ржига въ своемъ синтаксисѣ (1906 г) § 2 говоритъ: „предложеніе можетъ быть: 1) двухчленное, наприм. (обѣдъ готовъ), 2) трехчленное (сосѣдъ сосѣда звалъ), 3) одночленное (готовъ, знаю).“ Зачѣмъ, для чего вводить то, что только запутываетъ дѣло?

Обратимся однако къ нашимъ главнокомандующимъ въ Москвѣ. Я останавливаюсь только на самыхъ сильныхъ орудіяхъ, пулеметахъ, направленныхъ противъ старушки-грамматики. На стр. 26 говорится: „дополненія дѣлятся на приглагольныя и пріименныя. Приглагольныя—это тѣ, которыя относятся къ глаголу, причастію и дѣепричастію, а пріименныя дополненія къ сущ., прилаг., числит., нарѣчіямъ, къ сравнительной степ. прил. и нарѣчій.“

Представляю себѣ классъ. Разбираемъ предложеніе: „Домъ отца проданъ, а мой еще нѣтъ“. Отца (по новому)—дополненіе пріименное, а мой—опредѣленіе, по старому и по новому. На лицахъ дѣтей сомнѣніе. Какъ же, говорятъ, отца—дополненіе, а мой—опредѣленіе: вѣдь, слово отца отвѣчаетъ на вопросъ: чей?, такъ же, какъ и слово мой. Слово отца показываетъ, что домъ принадлежитъ отцу. Учитель говоритъ: отца—управляемое слово, а потому дополненіе пріименное, а мой—согласуемое слово, а потому опредѣленіе. Чего, кажется, проще? Однако въ классѣ жуткое молчаніе, недоумѣніе. Надо запомнить. И запомнятъ. Но гдѣ логика-то? Логика-то гдѣ?

Пріименное дополненіе... Зачѣмъ затуманивать то, что и безъ того уже туманно. И, вѣдь, ничего-то новаго въ этомъ пріименномъ дополненіи нѣтъ. Буслаевъ еще въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ своемъ учебникѣ (стр. 117, изд. 7-ое) говоритъ:

„второстепенные члены предложенія, присоединяемые посредствомъ согласованія, именуются словами опредѣлительными, посредствомъ управленія—дополнительными".

Не приняла въ свою лабораторію школьная русская грамматика мнѣніе просвѣщеннаго знатока русскаго слова. Видно, и на это были съ ея стороны законныя и основательныя причины. Такъ вотъ же тебѣ за это, злополучная! Ты не испугалась орудій Буслаева, орудій прошлаго столѣтія, такъ допекутъ же тебя пулеметами, шимозой и шрапнелью.

Положимъ, что такой разборъ предложенія, какой предлагается въ этомъ случаѣ въ Петербургѣ и Москвѣ, проще и какъ будто бы облегчаетъ ученика: на вопросъ к а к о й, ч е й— опредѣленіе, а на вопросъ к о г о, ч е г о (домъ отца)—дополненіе; но не все въ томъ только дѣло, чтобы ученику было легко: надо, чтобы дѣти хоть сколько-нибудь и мозгами шевелили. Пусть будетъ это и строго научно и подтверждено всѣми академиками міра,—но для малыхъ сихъ п о к а безполезно и не нужно. Пахнетъ какой-то формалистикой...

Пусть это же самое поднесутъ намъ профессора и академики въ такомъ видѣ, чтобы дѣти на урокѣ умственно развивались,—и труженики школы всего міра низко, пренизко поклонятся имъ въ ножки.

У нѣмцевъ и французовъ опредѣляютъ такъ же, какъ и наша злополучная старуха: Man teilt die A t r i b u t e in substantivische und adjektivische: Und d e s H o r n e s heller Ton klang von Berge wieder (O. Lyon, Handbuch der deutschen Sprache, стр. 197).

Затѣмъ далѣе (стр. 35). Обстоятельства раздѣляются на два класса: 1) обстоятельства въ собственномъ смыслѣ и 2) обстоятельственныя слова и сочетанія словъ, колеблющіяся между дополненіемъ и обстоятельствомъ; ихъ называютъ **мнимыми обстоятельствами.** На стр. 41 приведены примѣры на мнимыя обстоятельства: Народъ толпится п о с р е д и п л о щ а д и — мнимое обстоятельство мѣста. С і ю м и н у т у приду—мнимое обстоятельство времени. В е с н о й природа оживаетъ—мнимое обстоятельство времени" и т. д.

Такъ вотъ, старуха, попробуй-ка ты ввести въ младшій-то возрастъ это такъ называемое мнимое обстоятельство. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Ты говоришь „сію минуту"—мнимое обстоятельство времени, а ученикъ думаетъ: „да, мнимое, потому что, можетъ, и 1/4 часа пройдетъ". Ты говоришь „посреди площади"—мнимое обстоятельство мѣста, а ученикъ думаетъ, почему же оно мнимое, когда народъ, дѣйствительно, толпился посреди площади.

Нѣтъ, съ терминами надо быть крайне осторожными. Припоминается слѣдующій случай. Стоитъ у доски мальчикъ лѣтъ 15. По какимъ-то обстоятельствамъ онъ проморгалъ объясненіе учителя. Послѣдній, сидя за каѳедрой и не опуская изъ виду всего класса, спрашиваетъ его: „гдѣ корень такого-то слова?"—Вышній Волочокъ"—отвѣчаетъ ученикъ. Оказывается, что онъ корнемъ своимъ считаетъ свою родину—Вышній Волочокъ и никакъ не допускалъ, что и у слова есть свой корень.

А то вотъ еще. Офицеръ учитъ грамотѣ солдатъ. Диктуетъ солдатику: дневки и ночлеги и т д. Солдатъ пишетъ ѣ въ словѣ ночлегъ. Офицеръ желаетъ по-

править и спрашиваетъ: „гдѣ корень въ словѣ ночлегъ?—Постоялый дворъ, Ваше Вскородіе“, отвѣчаетъ, отдавая честь, солдатъ.

Я привожу эти примѣры, чтобы показать, съ какимъ матеріаломъ приходится возиться старушкѣ. И какія выпадаютъ разнообразныя обстоятельства, чуть ли не каждый годъ мѣняющіяся.

„Наканунѣ дня Ангела Вѣры, Надежды, Любови и матери ихъ Софіи“, разсказываетъ преподаватель: и барышни невнимательны. А проходятся виды глагола. Не понимаютъ, не хотятъ понять. „Ну, двѣ-три смекаютъ“. Учитель предлагаетъ два глагола: прельстить и прельщать *). Заинтересовываетъ ими. Вниманіе пріобрѣтено. Онъ говоритъ, чтобы ему откровенно сказали, какой глаголъ изъ этихъ двухъ имъ больше нравится. Начинается перешептываніе. Дѣло кипитъ. Медлитъ вопросомъ и выслѣживаетъ, съ кого начать, чтобы разомъ двухъ зайцевъ убить. Спрашиваетъ. Одна изъ ученицъ отвѣчаетъ: „мнѣ больше нравится глаголъ прельщать, несов. вида, такъ какъ можно сказать: я прельщаю, прельщала и буду прельщать“. Сосѣдка ея, вострушка, не выдерживаетъ и говоритъ: „ну, что жъ, что ты прельщаешь, прельщала и будешь прельщать, но никого не прельстила и не прельстишь“. Общая классная улыбка, и всѣ поняли.

А то вотъ еще и такой случай. Ужъ и не помню, когда это было. Дѣвицы готовятся итти въ Испытательный комитетъ держать экзаменъ на званіе Домашней учительницы. Экзаменъ тамъ въ прежнія времена былъ строгій: чуть что—смотришь... и не выдержала. А потому крайне требователенъ къ дѣвицамъ: за каждую-то ошибочку баллъ долой. Диктуешь фразы маленькія, но удаленькія. Между ними была и такая: „масляныя булочки“. Предполагаю, что напишутъ суффиксъ ян. Собралъ листочки. У многихъ написано съ суффиксомъ ен. Подчеркиваю и сбавляю цѣлый баллъ. Вотъ одна изъ дѣвицъ и спрашиваетъ: „Вы, К. Ѳ., какія булочки имѣли въ виду; вотъ тѣ, что въ булочной продаются, грошовыя?—Ну, да“, говорю, удивляясь.—„Такъ онѣ, вѣдь, не на маслѣ приготовляются, а только сверху маслятся, потому я и написала съ е н, отъ глагола маслить“. Хвалю ее, объясняю другимъ и балла не сбавляю.

У дѣтей воображеніе быстрое. Поспѣвай за нимъ, будь на все готовъ. Просматривая письменную работу, нахожу ошибку: въ винительномъ падежѣ прилаг. написано ію (синію). Открываю таблицу склоненій прилагательныхъ и въ досадѣ говорю: „если ты мнѣ отыщешь окончаніе і ю въ винительномъ падежѣ, то... (достаю изъ кармана портмонэ, открываю его и, какъ на грѣхъ, нахожу тамъ 25 руб.) вотъ получай“... Не успѣлъ я этого произнести, какъ кто-то въ срединѣ класса и говоритъ: „а Божію?“ Я моментально портмонэ въ карманъ и объясняю, что і въ словѣ Божій относится къ основѣ, такъ что собственно здѣсь окончаніе падежа только ю. Но такъ какъ дѣти объ основѣ не слышали, то и не вполнѣ повѣрили мнѣ: подумали, что пожалѣлъ 25-ти рублей.

---

*) Преподаватель—старикъ, и дѣти къ нему относятся, какъ къ отцу. Однако, замѣчу съ своей стороны, всетаки—не шутите съ огнемъ: не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.

Въ лабораторіи, въ классѣ, не то, что въ Академіи наукъ: здѣсь все надо дѣлать и говорить съ оглядкой. Для насъ и мнимыя, и фиктивныя обстоятельства понятны, и чѣмъ мудренѣе, тѣмъ еще, пожалуй, будетъ понятнѣе; но а съ ребятишками не то: тутъ фиктивностью ничего не возьмешь; развѣ только отъ этихъ словъ ребята, назубрившись, на стѣну полѣзутъ, какъ бывало въ прежнее время.

Мнимыя обстоятельства образа дѣйствія!.. Въ одномъ изъ перловъ великаго художника „Аннѣ Карениной“ (V часть, стр. 117, изд. II-ое) находимъ слѣдующее: „Въ такихъ размышленіяхъ (какой орденъ выше ордена Андрея Первозваннаго) прошло время, и когда учитель пришелъ, урокъ объ обстоятельствахъ времени и мѣста и образа дѣйствія былъ не готовъ, и учитель былъ не только не доволенъ, но и огорченъ. Это огорченіе учителя тронуло Сережу. Онъ чувствовалъ себя невиноватымъ за то, что не выучилъ урока; какъ бы онъ ни старался, онъ рѣшительно не могъ этого сдѣлать: покуда учитель толковалъ ему, онъ вѣрилъ и какъ будто понималъ, но какъ только онъ оставался одинъ, онъ рѣшительно не могъ вспомнить и понять, что коротенькое и такое понятное слово „вдругъ“ есть обстоятельство образа дѣйствія; но все-таки ему жалко было то, что онъ огорчилъ учителя“. Конечно, не спорю, можно натаскать учениковъ и на мнимыя обстоятельства. Но зачѣмъ, для чего, стоитъ ли овчинка выдѣлки?

Мимоходомъ обращу вниманіе на стр. 45, гдѣ опредѣляется обращеніе. „Обращеніемъ называются слова, стоящія въ звательномъ падежѣ и выражающія какое-нибудь чувство: желаніе лица говорящаго обратить вниманіе на себя, на свою рѣчь, гнѣвъ, ласку, насмѣшку и проч“.

Дѣти приводятъ такой примѣръ: Маша, ты пойдешь гулять? и спрашиваютъ у учителя, какое чувство выражается словомъ Маша...

Ну, что ты на это скажешь, старуха? Нѣтъ, братъ, выжили мы съ тобой, голубушка, изъ ума, состарѣлись, коли не понимаемъ, какое чувство выражается словомъ Маша. Нынѣшніе-то вонъ какъ съ ребятами въ учебникахъ разсуждаютъ: словъ-то, родименькая, не жалѣютъ. А ребята-то, вѣдь, должны эти всѣ словечки, пожалуй, наизусть заучить. Такъ вотъ оно что! Да... Это еще только цвѣточки, а ягодки впереди.

Вонъ въ Нижнемъ-Новгородѣ во вновь вышедшемъ синтаксисѣ Ѳ. В. Ржиги объ обращеніи почище сказано: Обращеніе есть имя сказуемое (существительное или прилагательное), которымъ зовемъ или называемъ видимый или мысленный предметъ, представляющій при немъ его подлежащее (стр. 41, § 25).

Попробуй, раскуси-ка! Скажешь—„пушка!“ А причиной этой „пушки“ въ учебникахъ для дѣтей—Овсянико-Куликовскій.

Какъ г. Брешенковъ, такъ и г. Ржига, видно, читали его синтаксисъ, задачею котораго, по словамъ автора въ предисловіи, было: „дать публикѣ книгу, по которой всякій образованный человѣкъ могъ бы ознакомиться съ основами наукообразнаго синтаксиса обще-русскаго языка“.

Вотъ въ этомъ-то синтаксисѣ Овсянико-Куликовскій на стр. 179 и говоритъ ме-

жду прочимъ: „Можно предположить, что одною изъ причинъ употребленія звательнаго вмѣсто именительнаго было первоначально желаніе или невольное стремленіе соединить съ подлежащимъ выраженіе извѣстнаго чувства, которое говорящій питалъ къ данному лицу. Это, слѣдовательно, не былъ „звательный обращенія“, это былъ—именительный съ „окраскою“ чувствомъ (окрашенный именительный), для чего бралась лишь форма звательнаго“. И вотъ изъ такого-то яркаго объясненія, прекрасной догадки г. Овсянико-Куликовскаго, получилось въ учебникахъ для младшаго возраста нѣчто корявое, неудобосказаемое.

А знаешь, старушка, отчего происходитъ, что г-да преподаватели угощаютъ своихъ учениковъ такой тарабарщиной? Я думаю, что имъ мало извѣстна дѣтская натура, мало живутъ они съ дѣтьми, далеко отъ нихъ, мало любви къ предмету и дѣтямъ. Звонокъ—надо итти на урокъ. Опять звонокъ—съ урока. Наконецъ, отзвонилъ, и съ колокольни долой. Позвоночные!—Впрочемъ, вѣдь, это и естественно. Всякій трудъ требуетъ отдыха. Десять часовъ въ сутки (а иногда и болѣе) тяжелаго труда и грошовая плата за это—благодарю покорно... Но, а однако...

Вотъ Буслаевъ въ своей рѣдкой книжкѣ „О преподаваніи отечественнаго языка“ (изд. 2-е 1867 г.) на 1-й страницѣ (съ этихъ словъ книга и начинается) говоритъ: „Надобно отличать ученую методу отъ учебной. Ученый, излагая науку, увлекается только ею одной, не обращая никакого вниманія на личность читателя или слушателя: онъ предлагаетъ свою науку единственно тому, кто пойметъ его. Напротивъ того, педагогъ долженъ развивать, образовывать и упражнять способности учащихся: наука его тогда имѣетъ свою цѣну, когда прилична тѣмъ лицамъ, коимъ преподается. Стр. 8. Интересъ учителя не столько въ наукѣ, сколько въ обученіи, въ наблюденіи за развитіемъ дѣтскихъ способностей: слѣдовательно, съ каждымъ новымъ курсомъ открывается преподавателю новое поприще, являющее ему новые предметы для наблюденія, новыя заботы и новое удовольствіе“.

Что, старуха, каковы слова-то? Золотыя слова... Вѣдь, мы съ тобой, въ разсужденіи этихъ словъ, и въ подметки не годимся...

Новыя заботы и новое удовольствіе... Да, дѣло живое, трудное. Припоминаю большой классъ, больше 40 человѣкъ. Разборъ синтаксическій не интересуетъ ребятъ. Вѣдь, подберется же иногда такой классъ! Плохо. Вотъ я... Старуха перебиваетъ: „ты что-то, дружище, на старости-то лѣтъ больно разболтался, спѣшишь, чтобы чего-нибудь съ собой въ могилу не унести“?—Вѣрно, старуха! Пользуюсь свободными деньками: благо, такой стихъ на меня нашелъ; это со мной рѣдко случается—некогда. Продолжаю. Я и говорю дѣтямъ (взрослые уже ребята): вы очень любите чертить; предложеніе, вѣдь, тоже можно представить въ схемѣ. Набрасываю на доскѣ схему. Со многихъ скамеекъ ребята сходятъ, приближаясь къ доскѣ. А все чертежники хорошіе, собаку на этомъ съѣли. Что жъ вы думаете? Въ классѣ воцарилось вниманіе. Сталъ назначать каждому для разбора по примѣру (выбирались предложенія большого объема). Слушаютъ. Со слѣдующаго же дня, не въ очередь, начали поступать схемы, одна другой изящнѣе: главное предложеніе—одними чернилами, придаточныя 1-ой ст. другими и т. д., пустили въ ходъ краски, виньетки, рисунки... Одинъ у другого спра-

шиваютъ разъясненія, пристаютъ ко мнѣ. Надоѣли. Разбирать стали и тѣ, которые прежде совсѣмъ не разумѣли.

А бываетъ еще труднѣе, въ особенности въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Давно это было, лѣтъ тридцать тому назадъ, учебниковъ моихъ еще не было на свѣтѣ. Ребята все съ бору да съ сосенки, все больше, какъ мы ихъ любимъ называть, убоявшіеся премудрости книжной, изъ разныхъ гимназій, безъ всякой дисциплины. Готовятся поступить въ другія учебныя заведенія, въ данномъ случаѣ всѣ въ одно, въ старшіе классы. Всѣхъ ихъ было человѣкъ 15. Не можешь привлечь общаго вниманія. Я и говорю имъ: „будемъ играть на деньги. Если вы невѣрно слово напишете,—платите пятачокъ; вѣрно—я плачу вамъ столько же". „Лопочутъ ушами". Тихонькіе стали. Одинъ записываетъ проигрышъ. Всѣ внимательны. Пошли правильныя занятія. Каждый, сдѣлавшій ошибку, получаетъ особый рецептикъ въ такомъ родѣ: написать 10 глаголовъ во 2-мъ лицѣ наст. времени или 10 глаголовъ съ оконч. ѣлъ, 20 разъ написать слово лечь, 10 прил. въ сравнит. степени на ѣе и т. д., смотря по роду ошибки. Ребята пишутъ лучше и лучше. Я начинаю проигрывать все больше и больше. Грамматика пройдена, но она, вѣдь, не всемогуща: ошибки часто индивидуальны. Пускаюсь на хитрости и говорю: „вотъ вы теперь стали грамотнѣе; хотѣлось бы мнѣ узнать, какъ преподаютъ въ гимназіяхъ другіе учителя; вѣроятно, тетрадочки у нѣкоторыхъ изъ васъ сохранились; принесите-ка мнѣ ихъ." Оказалось, что тетрадки у всѣхъ сохранились (между нами будь сказано, лучше бы было ихъ сжечь, съ глазъ долой). Начинается, продолжаясь, игра. Я беру тетрадку перваго попавшагося и нахожу тамъ ошибки, подчеркнутыя, конечно. Диктую, хорошо зная, что ребята повторятъ разъ сдѣланную ошибку. Зрительная память постоитъ за себя. Знаніе правописанія-то на кончикѣ пера. Ученикъ дѣлаетъ ошибку. Я опять начинаю выигрывать. Новая работа: приходится учить ученаго, искоренять хроническія ошибки—самое трудное дѣло. Вы спросите, какъ же я поступилъ относительно расплаты? Дѣти были настолько разумны, что поняли меня, и объ этомъ разговора не подымалось, кромѣ развѣ невинныхъ шуточекъ. Мы стали друзьями.

„Ну, довольно, старикъ!" говоритъ старуха. Дѣйствительно, довольно: въ другой разъ когда-нибудь доскажу: ужъ очень много случаевъ-то въ головѣ, такъ и роятся, такъ и роятся. Обратимся, старуха, къ нашимъ главнокомандующимъ. Не будемъ упоминать, что въ ихъ планѣ дѣйствій противъ тебя (для младшаго-то возраста!) употребляются такія „ругательныя" слова, какъ предикатъ, безсубъектныя предложенія... Впрочемъ во всемъ остальномъ все по старому, такъ что небоязно, старуха! Остается одинъ только жгучій вопросъ—придаточныя сокращенныя предложенія. Все придисловіе свое „къ плану дѣйствій" главнокомандующіе употребили, чтобы доказать, что нѣтъ на свѣтѣ сокращенныхъ придат. предложеній. Московское Педагогическое общество обязательно, съ удовольствіемъ предоставило апартаменты свои для митинговъ по этому великому вопросу. Многимъ изъ составителей грамматикъ попало на орѣхи: г. Преображенскому, г. Яковлеву, г. Вертоградскому...

По моему же мнѣнію, тутъ произошла какая-то заминка, какъ будто бы „своя своихъ не познаша". Дѣло вотъ въ чемъ. Профессоръ Овсянико-Куликовскій въ своей книгѣ „Синтаксисъ русскаго языка", какъ мнѣ кажется,

нисколько не противъ существованія придаточныхъ такъ называемыхъ сокращенныхъ предложеній. Онъ противъ термина „сокращенныя“. Съ этимъ вполнѣ можно согласиться, такъ какъ, конечно, Создатель, даровавъ намъ языкъ, приготовилъ для насъ различныя формы, совершенно независимо отъ нашей воли, приготовилъ экономно. Если нужно, мы употребимъ полное придат. предложеніе; если нѣтъ,—употребимъ неполное, заперевъ подлежащее и сказуемое въ одно слово. Но все это дѣлается непосредственно, не такъ, чтобы сначала въ головѣ построить полное предложеніе, а потомъ его сократить, какъ будто бы и, въ самомъ дѣлѣ, запереть на ключъ подлежащее и сказуемое и заставить ихъ сидѣть въ одномъ словѣ. Это, конечно, безсмыслица: никто такъ не говоритъ.

Въ классѣ, въ лабораторіи, отчего же и не показать дѣтямъ, не отворить ключомъ замкнутыя подлежащее и сказуемое и не выпустить ихъ на Божій свѣтъ. А если ужъ нельзя выпустить или запереть ихъ, ну, тогда и сказать дѣтямъ, что на то такова ужъ Божья воля: не можемъ ни выпустить, ни запереть: силъ нѣтъ человѣческихъ на то: заперты самимъ Боженькой. Такъ дѣти и будутъ знать, и это хорошо,—расширяетъ ихъ кругозоръ.

Профессоръ въ крайне интересномъ историческомъ изысканіи указываетъ, какъ мало-по-малу причастія и дѣепричастія теряли свое именное значеніе и переходили въ глагольное. На стр. 96 приводится примѣръ: „кости его с у т ь доселѣ тамо л е ж а ч е“. С у т ь л е ж а ч е переходитъ въ простое глагольное сказуемое: „кости его доселѣ тамъ лежатъ“.

Итакъ, изъ составного сказуемаго образовалось простое. Но во всякомъ случаѣ „суть лежаче“ составляло когда-то сказуемое. Отчего же не допустить, что и наши причастія и дѣепричастія, являющіяся въ такъ называемыхъ придаточныхъ сокращ. предложеніяхъ, образуютъ предложеніе, живущее своею особою жизнію, имѣющее свой особый штатъ, свое хозяйство, дополненія, опредѣленія и обстоятельства. Вы скажете, что у него то же подлежащее, тотъ же производитель, что и у главнаго предложенія. Въ такомъ случаѣ многія придаточныя полныя предложенія (безъ новаго производителя) вы тоже ужъ не считайте за отдѣльныя предложенія

Но я лучше приведу слова самого профессора: (стр. 82—83):

„Чутье языка подсказываетъ намъ, что въ этихъ и подобныхъ случаяхъ (когда причастіе слѣдуетъ за опредѣляемымъ словомъ) причастіе м е н ѣ е а т т р и б у т и в н о и б о л ѣ е п р е д и к а т и в н о, чѣмъ то, которое предшествуетъ опредѣляемому слову. Причастіе, предшествующее опредѣляемому, ближе подходитъ къ типу прилагательнаго—опредѣленія, между тѣмъ какъ причастіе, слѣдующее за опредѣляемымъ, отстоитъ о т ъ э т о г о т и п а д а л ь ш е, и въ немъ г л а г о л ь н ы й характеръ причастія выраженъ я в с т в е н н ѣ е. Таковъ именно тонкій оттѣнокъ, которымъ различаются обороты: 1) почувствовалъ симптомы болѣзни, м у ч и в ш е й его въ Петербургѣ“ и 2) почувствовалъ симптомы мучившей его въ Петербургѣ болѣзни. Въ связи съ этимъ мы ощущаемъ и то, что въ первомъ случаѣ разстояніе (въ мысли) между „болѣзни“ и „мучившей“ больше разстоянія между ними во второмъ случаѣ, т. е. здѣсь причастіе примыкаетъ къ существительному тѣснѣе, чѣмъ тамъ. Этими „ощущеніями“ и оправдывается о б ы ч а й отдѣлять причастье, слѣдующее за опредѣляемымъ, запятою и не отдѣлять ею причастія, предшествующаго опредѣляемому.

Изъ тѣхъ же „ощущеній“ вытекаетъ еще и то, что мы склонны принимать причастье, слѣдующее за опредѣляемымъ, какъ родъ особаго предикативнаго момента. Отсюда и традиціонное ученіе о томъ, будто эти формы явились въ языкѣ какъ результатъ сокращенія придаточныхъ предложеній.

Стр. 76. Подводя итогъ всему сказанному въ этомъ §, мы приходимъ къ слѣдующему: наши, какъ **сложныя**, такъ и простыя предложенія съ дѣепричастіемъ должны быть понимаемы, какъ результатъ распаденія старинныхъ составныхъ сказуемыхъ. Стр. 97. Составныя сказуемыя распадаются на сказуемыя главныхъ предложеній, выражаемыя глаголомъ, и сказуемыя придаточныхъ, выражаемыя дѣепричастіями и причастіями. Стр. 98. Причастіе, а еще болѣе— дѣепричастіе, переставъ быть частью составного сказуемаго, не тяготѣютъ къ подлежащему въ той мѣрѣ, какъ они тяготѣли прежде“.

Довольно. Я бы могъ привести еще много выписокъ, но считаю достаточнымъ и этихъ. Что же мы видимъ?

1-е. Причастіе, находящееся послѣ опредѣляемаго слова, болѣе предикативно, т. е. выражаетъ какъ бы особое сказуемое. Слѣдовательно, составляетъ отдѣльное предложеніе.

2-е. Въ такомъ причастіи глагольный характеръ выраженъ явственнѣе... Это показываетъ, что причастіе, ради выраженія сказуемаго, нѣсколько мѣняетъ свое первоначальное назначеніе.

3-е. Разстояніе (въ мысли) между „болѣзни“ и „мучившей“ больше разстоянія между ними... Больше потому, что какъ бы между этими словами зарождается новая мысль, новое предложеніе.

4-е. Каждый обычай имѣетъ свое основаніе, свою причину. Употребленіе запятой передъ причастіемъ и дѣепричастіемъ (со своимъ штатомъ) аналогично съ употребленіемъ запятой передъ придаточнымъ полнымъ предложеніемъ. Запятая представляетъ какъ бы границу между однимъ государствомъ и другимъ, хотя бы и подчиненнымъ первому, но желающимъ существовать своею особою жизнію, какъ бы независимо отъ личнаго глагола, находящагося въ главномъ предложеніи. Вообще появленіе запятой всегда обозначаетъ осложненіе предложенія.

5-е. Мы склонны принимать причастіе, слѣдующее за опредѣляемымъ, какъ родъ особаго предикативнаго момента... Если причастіе, перемѣнивъ мѣсто, данное ему когда-то передъ опредѣляемымъ, стало проявлять признакъ въ моментѣ (свойство собственно личнаго глагола), значитъ, оно вполнѣ пріобрѣло свою автономію и должно считаться за предложеніе, хотя бы только пока придаточное.

6-е. Отсюда и традиціонное ученіе, будто эти формы явились въ языкѣ какъ результатъ сокращенія придаточныхъ предложеній.

Русская школьная грамматика взяла эти формы такъ, какъ онѣ существуютъ въ языкѣ; но не говорила, что онѣ есть результатъ сокращенія придаточныхъ предложеній.

О такомъ результатѣ можно было только заключить, войдя въ школьную лабораторію и увидѣвъ, какъ нѣкоторые лаборанты въ этомъ случаѣ переусердствовали.

7) Наши, какъ сложныя, такъ и простыя предложенія съ дѣепричастіемъ, должны быть понимаемы...

Беремъ два предложенія. Онъ сидя пишетъ (простое). Онъ, сидя за столомъ, пишетъ (сложное). Отсюда видно, что г. Овсянико-Куликовскій называетъ сложнымъ (состоящимъ изъ главнаго и придаточнаго) предложеніе: „Онъ, сидя за столомъ, пишетъ". Такимъ образомъ, „сидя за столомъ"—придаточное предложеніе.

8) Составныя сказуемыя распадаются на сказуемыя главныхъ предложеній, выражаемыя глаголомъ, и сказуемыя придаточныхъ, выражаемыя дѣепричастіями и причастіями.

Кажется, совсѣмъ ясно. Причастіе и дѣепричастіе въ придаточныхъ предложеніяхъ составляютъ сказуемое, а не опредѣленіе или обстоятельство, какъ смотрятъ на нихъ въ Петербургѣ и Москвѣ, согласно изслѣдованіямъ того же профессора Овсянико-Куликовскаго.

9)Причастіе, а еще болѣе дѣепричастіе, переставъ быть частью составного сказуемаго, не тяготѣютъ къ подлежащему въ той мѣрѣ, какъ они тяготѣли прежде...

Если имъ удалось свалить съ себя иго подлежащаго и сдѣлаться автономными, то со стороны Московскаго Педагогическаго Общества и кружка преподавателей гимназіи г-жи Бернаскони грѣшно, право, грѣшно, тащить ихъ снова за волосы къ подлежащему или сказуемому главнаго предложенія. *)

Обратимся теперь къ заключенію книжки проф. Овсянико-Куликовскаго. Я привожу его заключеніе, такъ какъ оно гораздо яснѣе выражено, чѣмъ заключеніе Потебни, которое приводится въ курсѣ для младшаго возраста г. Брешенковымъ ради преподавателей:

## ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

1) Синтаксическія формы—подвижны: онѣ измѣняются въ теченіе вѣковъ.

2) Эти измѣненія совершаются въ опредѣленномъ направленіи, а именно, въ сторону наибольшаго развитія глагольныхъ формъ и убыли именныхъ, и съ

---

*) Во время набора этой книжки вышло „Рукодство къ синтаксису" профессора Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, въ которомъ, какъ мнѣ кажется, видна борьба профессора между страстнымъ желаніемъ угодить женской гимназіи г-жи Бернаскони (стр. 4) и стремленіемъ даровать автономію бѣднымъ (сокращеннымъ) придаточнымъ предложеніямъ. На стр. 67 онъ признаетъ за ними „нѣкоторый актъ предицированія—на правахъ придаточнаго предложенія" и въ то же время говоритъ: „тѣмъ не менѣе назвать этотъ оборотъ предложеніемъ нельзя, потому что въ немъ нѣтъ глагола". Однако политическія убѣжденія профессора побороли „страстное желаніе", и онъ на 73 стр., хотя и не совсѣмъ смѣло, утверждаетъ: „Предложенія, заключающія въ себѣ причастія и дѣепричастія съ ихъ дополненіями и обстоятельствами, приравниваются къ сложнымъ предложеніямъ (изъ главнаго и придаточнаго). Ихъ можно называть (хотя это и не точно) сложными, въ виду того, что въ нихъ главный актъ предицированія, выраженный глаголомъ-сказуемымъ, осложняется другимъ или другими актами предицированія, выраженными причастіями и дѣепричастіями." Такимъ образомъ, за придаточными съ причастіями и дѣепричастіями (радуемся за нихъ!)—почти утверждены автономныя права гражданства.

тѣмъ вмѣстѣ строй предложенія преобразуется въ томъ смыслѣ, что роль глагола-сказуемаго и вообще глагольность предложенія все болѣе увеличиваются насчетъ роли подлежащаго и другихъ именныхъ частей. Это выражается въ развитіи безсубъектности, въ перевѣсѣ управленія надъ согласованіемъ, исчезновеніи составныхъ сказуемыхъ съ именами и причастіями, распространеніи состав. сказуемыхъ съ инфинитивомъ, развитіи такихъ оборотовъ, какъ „творительный предикативный“ и мн. др.

Наблюденія въ области другихъ языковъ (въ особ.—новыхъ, германскихъ и романскихъ) приводятъ къ тѣмъ же выводамъ. Сравнительно-историческое изученіе синтаксиса разныхъ языковъ должно привести къ раскрытію картины эволюціи грамматическаго мышленія въ указанномъ направленіи, т. е. въ направленіи къ преобладанію грамматической категоріи дѣйствія надъ грамматическою категоріею субстанціи. Первостепенное значеніе этого рода изысканій для изученія психологіи и эволюціи человѣческаго мышленія вообще не подлежитъ сомнѣнію“.

Изъ заключенія я вывожу вотъ что: существованіе придаточныхъ предложеній съ причастіями и дѣепричастіями подтверждается эволюціей грамматическаго мышленія: именныя формы уступаютъ мѣсто глагольнымъ, глагольность предложенія все болѣе и болѣе увеличивается насчетъ роли подлежащаго и строй предложенія преобразуется въ этомъ смыслѣ. Отсюда вытекаетъ, что причастія и дѣепричастія въ придаточныхъ предложеніяхъ какъ бы забываютъ, не хотятъ знать своего производителя (подлежащее) и начинаютъ жить своею самостоятельною жизнію. Не за чѣмъ и пристегивать ихъ къ подлежащему или сказуемому главнаго предложенія и разбирать ихъ какъ члены простого предложенія: они несутъ по отношенію главнаго предложенія такую же службу, какъ и члены въ полномъ придаточномъ предложеніи.

Приведу еще нѣсколько строкъ изъ заключенія Потебни:

„Если въ области внѣшней органической природы разграниченіе органовъ есть усложненіе и въ этомъ смыслѣ усовершенствованіе жизни, то и здѣсь мы должны видѣть усложненіе душевной жизни и усовершенствованіе языка.“

Итакъ, не убивайте „это разграниченіе органовъ“, не гасите „усовершенствованіе новой душевной жизни языка,—дайте жить и придаточному съ причастіями и дѣепричастіями!

Читатель можетъ, пожалуй, подумать, что, дѣйствительно, придаточныя сокращенныя такъ важны, такъ дорого стоятъ старухѣ, что ихъ надо защищать во всю, во что бы то ни стало. Я хорошо знаю, что часто посредственный ученикъ называетъ причастіе въ придаточномъ предложеніи опредѣленіемъ, а дѣепричастіе—обстоятельствомъ. Радуешься даже за него, что онъ начинаетъ разбираться, какое слово къ какому относится, что очень важно, важнѣе всего. Нѣтъ, я остановился долѣе на придаточныхъ только потому, что вижу нѣкоторое противорѣчіе у гг. нововведенцевъ, и въ то же время смѣшно какъ-то становится, когда люди изъ мухи слона дѣлаютъ; думаютъ, что Америку открыли, а на самомъ дѣлѣ, дѣло ихъ выѣденнаго яйца не стоитъ.

Въ чемъ же твоя-то ошибка, старуха?

Въ томъ, голубушка, что ты въ своей лабораторіи, въ классѣ, сильно налегла на сокращеніе-то, забыла, что и безъ тебя, вѣдь, люди говорятъ, не учась грамматикѣ. Въ томъ-то и дѣло, милая, что ты много на себя берешь. А дѣло твое маленькое и все къ концу идетъ. Вонъ видишь, что пишутъ ученые-то. Смекаешь? Формы именныя идутъ на убыль, ихъ какъ бы меньше становится.

Имя уже не важно, а имѣніе и подавно. Не все ли равно, кто пришелъ—Маша или Катя? Всѣ будутъ на одно лицо, съ однимъ бюстомъ (блондинки или брюнетки—это еще вопросъ), вообще одной фабрики, одного института. Одежда и обувь одинаковая, усовершенствованная. То же и съ мужчинами. Не знаю только, не перейдетъ ли къ нимъ женская одежда? Пропадутъ имена совсѣмъ, сначала, вѣроятно, собственныя, а потомъ и нарицательныя. Зачѣмъ ихъ? Все будетъ общее.

Старуха пристально глядитъ на меня.

Жизнь мало-по-малу войдетъ въ узкія рамки. Затѣмъ настанетъ очередь и за именами прилагательными. Имъ ужъ какъ-то непристойно и жить безъ существительныхъ-то. „Бѣдный, богатый, нищій, добрый, злой, больной, здоровый—для чего эти имена, коли всѣ люди будутъ одинаковы. Ты качаешь головой, думая, что останутся прилаг. „больной и здоровый.“ Больныхъ не будетъ, всѣ будутъ здоровыми—придетъ назначенное время—лягутъ и умрутъ.

Старуха какъ будто немножко успокоилась.

Затѣмъ очередь за мѣстоименіями. Пожалуй, что эти и раньше исчезнутъ. Какая надобность въ мѣстоименіяхъ: мой, твой, нашъ, вашъ, ихъ, когда не будетъ ни моего, ни твоего, ни вашего, ни нашего, ни ихъ...

О числительныхъ мы и не говоримъ. Не надо будетъ считать: ничего ни у кого не будетъ и у всѣхъ будетъ все. Въ настоящее время у насъ въ Воспитательномъ Домѣ числительныя имѣютъ огромное значеніе: тамъ, вмѣсто фамилій, имена числительныя—Ивановъ № 1074-й. У № 1074 мать № 254. Настанетъ время, когда не пожелаютъ и № матери знать: никакой надобности не будетъ ни съ той, ни съ другой стороны, даже, можетъ быть, и возможности-то никакой разобраться не будетъ.

Нарѣчія... Да зачѣмъ они? Не все ли равно, что завтра, что сегодня, что вчера? „Глаголъ временъ, металла звонъ, твой страшный гласъ меня смущаетъ“, говорилъ когда-то Державинъ.

Никто ничѣмъ не будетъ смущаться: счастливые часовъ не наблюдаютъ. О предлогѣ, союзѣ и междометіи нечего и говорить: ихъ г. Брешенковъ и теперь называетъ частицами *).

Зрачки у старухи увеличились, и глаза чуть не выскочатъ.

---

*) Напрасно онъ это дѣлаетъ: въ лаборатории-то самаго младшаго возраста все время пріучаешь дѣтей дѣлить рѣчь на части, долго еще не называя самыхъ частей. Это важно особенно для правописанія и для дальнѣйшаго изученія языковъ. Пусть ученые называютъ ихъ „частицами“. Ну, назовите ихъ маленькими частями рѣчи, а только не частицами, тѣмъ болѣе, что онѣ хотя и маленькія, но назначеніе ихъ огромное... Какимъ только образомъ междометіе въ частицы попало,—ужъ, право, не знаю. Спасибо—это частица... Вотъ такъ частица!

Причастія и дѣепричастія (эти побирашки!) подъ шумокъ ушли отъ глагола и тали автономными, ихъ г. Брешенковъ называетъ частями рѣчи и особенно на этомъ настаиваетъ. Они погибнутъ изъ первыхъ, такъ какъ самостоятельности-то въ нихъ никакой нѣтъ: все проѣдаются насчетъ другихъ частей рѣчи.

Останется только одинъ-одинешенекъ, какъ рекрутъ на часахъ,—глаголъ. Да, вельможа, нечего сказать... Но какой глаголъ, какого языка? Я полагаю, что русскіи глаголъ одинъ изъ первыхъ провалится въ тартарары, такъ какъ онъ насчетъ субстанціи-то и въ настоящее время, по этой собственно части, т. е. на формы-то личныя маленько слабоватъ и даже очень..

Но и этому вельможѣ будетъ крышка. Слова: „ѣсть, кушать, жрать, лопать, чавкать, трескать“ исчезнутъ въ скоромъ времени: навѣрно, ужъ пилюли-то не будутъ трескать, развѣ отъ скуки только.

Старуха плачетъ. „Скучно“, говоритъ, „будетъ“. Не будетъ походовъ на меня, не будетъ главнокомандующихъ.

Утѣшаю ее и говорю, что Улита (Іулита) ѣдетъ, да когда-то еще будетъ... Вѣдь, я только фантазирую. Я и въ классѣ часто говорю: представимъ себѣ, что, проснувшись, вы не находите въ головѣ предлоговъ, числительныхъ и т. д., потерялись они...

Вонъ И. Ѳ Анненскій въ своей прекрасной статьѣ (запамятовалъ, въ какомъ журналѣ) пишетъ, что даже еще процессъ образованія нарѣчій въ русскомъ языкѣ не совершился. Совершится, старуха, и наши ученики въ нарѣчіяхъ будутъ меньше ошибокъ дѣлать.

Наконецъ, Миклошичъ, великій славистъ, нѣсколько иначе смотритъ, чѣмъ Потебня.

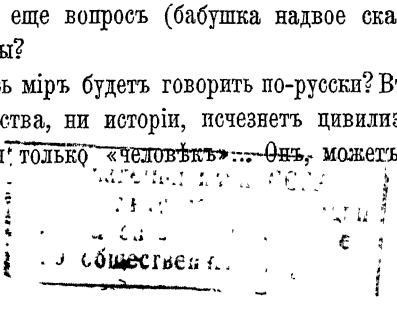
А Тургеневъ что говоритъ, помнишь: „Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ“...

Посмотри кругомъ себя, что творится. Учебныя заведенія, какъ грибы, растутъ, открываются народные университеты, вводится всеобщее обязательное обученіе...

Не только у насъ, но и во всемъ мірѣ соединеніе капиталовъ не захватило еще всего человѣческаго труда, русскій народъ слезно молитъ о прибавкѣ хоть горсточки матушки-земельки, еще нѣтъ пятидесятиэтажныхъ домовъ; мы не видимъ пока Вавилонскаго разврата, пьянства и игры; еще существуютъ, по крайней мѣрѣ, у насъ пословица: „любовь зла,—полюбитъ и козла“ и пѣсенка: „съ милымъ рай и въ шалашѣ“... Сначала Вавилонскій развратъ всего міра, а потомъ ужъ наступятъ золотые вѣка соціализма...

Не дожить тебѣ, старуха, до такого блаженнаго времени, когда не будетъ на свѣтѣ бѣдняка, и еще вопросъ (бабушка надвое сказала): провалятся ли тогда части рѣчи въ тартарары?

Можетъ, весь міръ будетъ говорить по-русски? Вѣдь, ни у кого не будетъ ни рода, ни племени, ни отечества, ни исторіи, исчезнетъ цивилизація, не будетъ ни француза, ни нѣмца... Останется только «человѣкъ»... Онъ, можетъ, и выберетъ русскій языкъ, какъ



самый богатый?.. Не даромъ профессоръ Бодуэнъ-де-Куртенэ ввелъ въ словарь Даля мѣткія русскія словечки?.

Но старуха не унимается и, всхлипывая, повторяетъ: Русскій... Русскій... Русскій.. Родная Русь...

Извиняюсь передъ читателями: хотѣлъ защитить старуху, а заставилъ ее плакать.

---

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?
Крыловъ

Даръ рѣчи самъ по себѣ громаденъ и, благодаря все возрастающему усовершенствованію его, становится съ каждымъ днемъ все больше
Песталоцци

Въ Кіевѣ, матери городовъ русскихъ, моему учебнику „Русскій языкъ, (синтаксисъ)“ особенно повезло: рѣдкое вниманіе обратилъ на него г. Абраменко (въ концѣ книжки помѣщается часть брошюры Д. Круглаго „На судъ преподавателей русскаго языка“), а г. Ежевикинъ (псевдонимъ) написалъ большую (ц 1 р. 50 к.) книгу „Любителямъ русскаго слова“, въ которой, упоминая объ этой брошюрѣ въ выноскѣ (стр. 116), почти на каждой страницѣ не оставляетъ въ покоѣ моей фамиліи.

Лютой злобой, ярои местію дышитъ перо г. Ежевикина. На стр. 21 онъ говоритъ: „Приведенныя слова: вишь, теперича, нынче... не суть образцы словъ литературнаго языка, съ каковыми (?) только и долженъ имѣть дѣло систематикъ, посему рѣшеніе выше поставленнаго вопроса (могутъ ли упомянутыя слова служить для систематика грамматическимъ матеріаломъ) должно быть отрицательное. Однако съ такимъ рѣшеніемъ не согласенъ г. Петровъ, наполнившій свой „синтаксисъ“ въ изобиліи весьма неудовлетворительными примѣрами (Эхъ, съ коричкой, съ гвоздичкой, съ лимонной корочкой, наливаемъ. что ли-съ?)“ На стр. 116 читаемъ: Вообще у г. Петрова часто замѣчается отсутствіе строгаго отношенія къ дѣлу. Напримѣръ, въ предложеніи: „Кромѣ насъ, за грибами ходили крестьяне“ онъ признаетъ два подлежащихъ: „крестьяне и „кромѣ насъ“, ставя неумѣстно запятую и забывая свое же правило, выраженное на стр. 2 „Синт.: „Другія слова, находящіяся въ предложеніи, разсматриваются грамматикой такъ же каждое отдѣльно по вопросамъ“.

Неудовлетворительные примѣры... Да, старуха, дожили мы съ тобой до такой обидной критики!.. Видно, что г. Абраменко незнакомъ (вѣроятно, не ошибаюсь) съ г. Ежевикинымъ: иначе онъ не воспользовался бы въ такомъ изобиліи моими примѣрами въ своемъ синтаксисѣ. Однако чѣмъ же приведенный примѣръ неудовлетворителенъ? Онъ помѣщенъ на 21 стр., въ задачѣ 35, гдѣ предлагается ученику списать предложенія и поставить знаки: восклицательный или вонросительный. Мнѣ кажется, что примѣръ такъ ярокъ, что ученикъ послѣ него разомъ поставитъ два знака—и восклицательный, и вопросительный.

Не нравится г. Ежевикину, что примѣръ взятъ съ улицы—„этого уличнаго зазыва“

съ брезгливостью замѣчаетъ онъ... Невольно вспоминаются при этомъ слова Пушкина: „А что за *) роскошь, что за смыслъ, какой толкъ въ каждой поговоркѣ! что за золото! А не дается въ руки, нѣтъ!“ Чувствуется, что самъ авторъ книги „Любителямъ русскаго слова“ не любитъ и не понимаетъ русскаго слова.

На стр. 57 онъ поправляетъ Кольцова, говоря „за образцами неправильностей далеко ходить не приходится: такъ ихъ много, чуть не на каждомъ шагу“, и здѣсь же приводитъ примѣръ: Что ты былъ и что сталъ? совѣтуя Кольцову выразиться такъ: Кѣмъ ты былъ и кѣмъ сталъ“?

Думается, что этимъ „что“ Кольцовъ выразилъ въ первомъ случаѣ то богатство натуры, не поддающееся опредѣленію, которою обладалъ мужичокъ, а во - второмъ— какое-то необычайное несчастіе, также неопредѣленное. Задача автора стихотворенія— выяснить эту неопредѣленность, показать читателю, что былъ мужичокъ и что сталъ. Мѣстоименіе же „кѣмъ“ показываетъ болѣе опредѣленный, точный смыслъ: сначала былъ богачомъ, а теперь сталъ нищимъ. Это „кѣмъ“ уничтожаетъ, уродуетъ поэтическое вступленіе.

На стр. 61 г. Ежевикинъ вооружается снова противъ Кольцова и Пушкина: „Что ты спишь, мужичекъ *)? Что ты ржешь, мой конь ретивый? Въ этихъ предложеніяхъ употреблено неумѣстно, неправильно слово „что“ вмѣсто „почему“, считающагося нарѣчіемъ; мѣстоименію „что“ присвоенъ такимъ образомъ непринадлежащій ему смыслъ, вслѣдствіе чего русскій языкъ рискуетъ обогатиться рядомъ съ „почему“ удивительнымъ нарѣчіемъ обстоятельства причины „что“, тѣмъ болѣе, что нѣтъ, кажется, учебника по русскому языку, въ коемъ отсутствовали бы выше приведенныя предложенія, предназначаемыя ad usum delphini, если не съ превратнымъ, то безъ всякаго объясненія“.

Мнѣ, право, совѣстно объяснять то, что должно быть всѣмъ понятно. Здѣсь слово „что“ никакъ не замѣняетъ слова „почему“. Если я буду кого-нибудь будить и скажу по г. Ежевикину: почему вы спите? то мнѣ непремѣнно отвѣтятъ: „спать хочется“. Если же скажу: „что вы спите“? то, пожалуй, соскочатъ и съ испугомъ посмотрятъ на меня. „Встань, проснись, на себя погляди!“. Кольцовъ пораженъ, удивленъ, что мужичокъ спитъ, когда на дворѣ весна. Онъ какъ бы говоритъ: я пораженъ тѣмъ, „что ты спишь, мужичокъ“. Стихотвореніе же свое Кольцовъ начинаетъ вопросительнымъ предложеніемъ, въ которомъ онъ выражаетъ это свое удивленіе.

У Пушкина слово „что“ точно такъ же показываетъ недоумѣніе, заботу, удивленіе. Если бы хозяинъ коня прямо спросилъ: „почему ты ржешь, мой конь ретивый“? то конь, вѣроятно, и отвѣтилъ бы: „оттого ***) я ржу и т. д.“ Но конь только тогда высказалъ

---

*) На стр. 20 г. Ежевикинъ нападаетъ на меня, что я не ставлю между „что и за „малаго точковиднаго тире“ и укоряетъ Крылова за неправильность употребленія этой восклицательной частицы въ слѣдующихъ предложеніяхъ: Что здѣсь у васъ за край; что у тебя за страсть—куръ красть. По мнѣнію г Ежевикина, послѣ „что“ должно быть непремѣнно „за“. Такъ и слѣдуетъ передѣлать Крыловскій языкъ, т е. сказать: что-за край здѣсь у васъ“.

**) Правописаніе г. Ежевикина.

***) Г. Ежевикинъ (65 стр.) предлагаетъ слова: почему, зачѣмъ, отчего, оттого «писать всегда и безусловно раздѣльно отъ предлоговъ».

причину своей печали, когда узналъ отъ хозяина, какія могутъ быть для коня причины невзгоды, и увидѣлъ, что о главной изъ нихъ хозяинъ не упоминаетъ.

На стр. 21 достается гр. А. Толстому, къ „выраженіямъ“ котораго Г. Ежевикинъ совѣтуетъ „относиться съ чрезвычайной осторожностью“, такъ какъ графъ употребляетъ слова: небось, аль, злодѣя лихова, своево господина“.

Какая подумаешь материнская забота о русскомъ языкѣ проявляется въ словахъ автора: „вслѣдствіе чего русскій языкъ рискуетъ обогатиться удивительнымъ нарѣчіемъ“! Что онъ вамъ и что вы для него, г. Ежевикинъ?

Такъ вотъ какъ, старуха! Мы благоговѣли и благоговѣемъ передъ образцовыми писателями, боялись и боимся даже запятую переставить у нихъ .. А теперь, голубушка, посмотри, что кругомъ тебя дѣется... Толстого, Крылова, Кольцова, Пушкина псевдолюбители осмѣливаются поправлять!.. Вѣдь, вспомни, въ прежнее время этого не бывало. Сорокъ лѣтъ преподаю русскій языкъ, а ни отъ кого не приходилось не только слышать, что надо въ стихотвореніи Кольцова говорить—кѣмъ ты былъ и кѣмъ сталъ,— но даже и вопроса-то объ этомъ не поднималось...

Чудеса, ей-ей, чудеса... Что-то, старуха, неладное творится кругомъ!.. По лицу земли туманъ стелется ..

Что же касается того, что я не строго отношусь къ дѣлу, то думаю, что не г. Ежевикину объ этомъ разсуждать. Но, во всякомъ случаѣ, дорожа печатнымъ словомъ, укажу на стр. 43 моего синтаксиса, гдѣ я, не желая давать ничего ученикамъ безъ объясненій, стремлюсь оправдать обычное употребленіе запятой при нарѣчіяхъ „сверхъ, кромѣ, вмѣсто“.

Беру такой примѣръ (онъ, можетъ быть, будетъ болѣе понятнымъ): Кромѣ г. Абраменки, на мою грамматику особенное вниманіе обратилъ г. Ежевикинъ. Здѣсь при запятой, по моему, два предложенія: 1) г. Абраменко обратилъ особенное вниманіе на мою грамматику, 2) г. Ежевикинъ обратилъ особенное вниманіе на мою грамматику; одно предложеніе съ логическимъ подлежащимъ (кромѣ г. Абраменки), другое—съ грамматическимъ (г. Ежевикинъ). Думаю, что такимъ разборомъ выясняется употребленіе запятой, и дѣти будутъ сознательно ее ставить, къ чему я только и стремился. А правило, напечатанное на 2-й стр. синтаксиса, относится къ о д н о м у предложенію, а въ данномъ случаѣ я разсматриваю д в а. Вотъ и все.

Странно только, что г. Ежевикинъ, обвиняя меня въ неумѣстномъ употребленіи запятой послѣ „кромѣ, вмѣсто“, самъ пользуется ею въ данномъ случаѣ въ своей книгѣ (стр. 15, 22,). Вообще изъ дальнѣйшаго читатель увидитъ, что г. Ежевикинъ (я не имѣю чести лично его знать) чувствуетъ противъ меня какой-то родъ недуга, словно я для него больной зубъ.

На стр. 48 онъ, указывая 18 стр. моего синтаксиса, упрекаетъ меня, что я пишу слова „на лицо“ вмѣстѣ. Хотя в ъ д а н н о м ъ с л у ч а ѣ я не вижу ошибки, но долженъ сказать, что на 18 стр. (8-я строчка снизу) моего синтаксиса эти слова написаны раздѣльно. Самъ же г. Ежевикинъ на стр. 53 (4-ая строчка сверху) пишетъ слитно „находящуюся налицо“. Эта ошибка (налицо) не моя, а г. Ежевикина, свидѣтельствуетъ только о томъ, что нарождается новое слово, новый организмъ, но-

вая жизнь. Не больше 20 лѣтъ, какъ появилось на свѣтъ Божій это „наліцо“ и находится въ настоящее время на границѣ переходнаго состоянія. Повидимому, оно завоюетъ свою самобытность, и бороться съ этимъ нечего: въ этомъ проявляется историческое развитіе языка, и только „систематикъ“ можетъ объ этомъ скорбѣть, и только скорбѣть, такъ какъ ему не остановить жизни: онъ не Іисусъ Навинъ.

Помню, что 25 лѣтъ тому назадъ, а можетъ, и болѣе, я считалъ за ошибку, если ученики напишутъ слово „извозчикъ“ черезъ зч, а не черезъ букву щ. Было переходное время, и выходили. „Разысканія“ академика Я. К. Грота. Не нравилось мнѣ это щ вмѣсто зч. И думалъ я, что хорошо, если бы зч побороло щ: всетаки корень съ зч яснѣе, чѣмъ съ буквой щ. Исчезнутъ извозчики съ лица земли, и, пожалуй, потомки и не узнаютъ, кого мы называли такимъ именемъ, если мы оставимъ имъ это слово съ щ. Вотъ, напримѣръ, слово изба такъ измѣнилось, что и не подумаешь, что когда-то оно имѣло начертаніе истопка, т. е. такое помѣщеніе, которое отапливается, въ противоположность „клѣти“, помѣщенію, не имѣющему топки.

Почти въ это же время покойный П. В. Смирновскій (на котораго также нелѣпо нападаетъ г. Ежевикинъ) приготовилъ къ печати 1-ое изд. своей хрестоматіи. Заходитъ онъ ко мнѣ посовѣтоваться, какого придерживаться правописанія въ хрестоматіи. Зашелъ разговоръ относительно словъ съ суф. чикъ. „Я во всѣхъ случаяхъ буду писать щ, согласно „Разысканіямъ Грота“, сказалъ Смирновскій.—Неужели и слово „переписчикъ“ съ щ?“ возразилъ ему я вопросительно: „смотрите!“ Вышла его хрестоматія, и въ началѣ ея были помѣщены въ о п е ч а т к а х ъ (вѣроятно, по требованію Ученаго Комитета) всѣ слова, написанныя по-новому.

Въ настоящее время я считаю за ошибку, если ученикъ напишетъ слово „извозчикъ“ съ буквой щ. Появилось „Русское правописаніе“ Грота, гдѣ утверждены права начертанія слова „извозчикъ“. Много объединенія внесло въ школу „Русское правописаніе“ Грота. Какой былъ до нея разладъ въ школѣ: чуть ли не каждая гимназія и училище писали по-своему!

Вспоминается торжественное засѣданіе въ Соляномъ городкѣ, гдѣ Я. К. Гротъ докладывалъ объ этой книгѣ. Тьма народу. Вотъ на каѳедру входитъ извѣстный драматургъ, теперь уже покойный, А. Н. Островскій. Вопросъ шелъ о родительномъ падежѣ прилагательныхъ (аго, ого). „Я, какъ москвичъ“, говорилъ съ извѣстной ироніей Островскій: „стою за о“. Остались формы глухого, слѣпого и т. д.

Я совсѣмъ и позабылъ о г. Ежевикинѣ; поди, онъ на меня сердится: я у него больной зубъ. Продолжаю.

На стр. 50 читаемъ слѣдующее: „въ пятнахъ (но г. Петровъ въ „Синтаксисѣ“ пишетъ: „коверъ впятнахъ“; коверъ можетъ быть въ комнатѣ, но не въ пятнахъ; отсюда видна неправильность употребленія этого выраженія, которое предназначено выражать мысль: „на коврѣ сплошь пятна“; но сохраняя за коньюнкціей „впятнахъ“ превратный смыслъ, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ усвоивать ей раздѣльное правописаніе, если мы не желаемъ обогатить Русскій языкъ удивительной частью рѣчи, способной служить лишь для затемненія понятій, выработка и сохраненіе коихъ столь дорого—вообще говоря—обходится человѣчеству)“.

Съ нами крестная сила! У меня на стр. 36, 12 строка сверху, дѣйствительно, приведено предложеніе: „ковры были въ пятнахъ“. Написаны слова „въ пятнахъ“ раздѣльно. Неужели г. Ежевикинъ съ цѣлью исказилъ мое правописаніе и всю фразу!? Могу увѣрить, что это предложеніе взято у образцовыхъ писателей. Полагаю, что ни одному русскому человѣку не придетъ въ голову при фразѣ „ковры были въ пятнахъ“ подумать, что ковры могутъ быть только въ комнатѣ. Мы же говоримъ: „у него все лицо въ пятнахъ“. Это не значитъ, что лицо находится въ пятнахъ, пребываетъ въ пятнахъ, а просто показываетъ, каково лицо такого-то господина. „Онъ въ горячкѣ“— это не значитъ, что онъ помѣщается въ горячкѣ, а скорѣй—горячка въ немъ. Вотъ, если сказать: онъ былъ въ сумасшедшемъ домѣ, то, дѣйствительно, здѣсь уже говорится о пребываніи его въ сумасшедшемъ домѣ; но только опять не домъ—сумасшедшій, а домъ, гдѣ находятся сумасшедшіе. Оригинально, что г. Ежевикинъ въ своей книгѣ не указываетъ страницы моего синтаксиса, гдѣ онъ нашелъ такое правописаніе у меня— „впятнахъ“.

На стр. 115 читаемъ: „Семь душъ одного не ждутъ“; „одного“ считается г. Петровымъ дополненіемъ, а не опредѣленіемъ къ подразумѣваемому имени существительному „человѣка“ (Синтаксисъ, стр. 6). Выпущено явленіе закона экономіи въ языкѣ“.

Опять все переврано. Я, право, удивляюсь, чѣмъ объяснить эту ложь. Обращаюсь къ заголовку книги г. Ежевикина и нахожу: „Дозволено цензурою. Кіевъ, 10 апрѣля 1906 г.,“ а въ концѣ книги—Васильковъ, іюнь 1906 г. Не знаю, какъ въ Кіевской губерніи, а у насъ въ Петербургѣ въ прошломъ году въ апрѣлѣ была жаркая погода и въ іюнѣ хорошая. Не отъ жары ли это все путаетъ г. Ежевикинъ? Примѣръ находится на 8 стр. моего синтаксиса, 12 строчка снизу: Семеро одного не ждутъ. Примѣръ классическій. Взглянулъ въ синтаксисъ г. Абраменко, у него, правда, этотъ примѣръ на 6-ой стр., но такъ же „семеро“, а не семь душъ. Совѣтую г. Ежевикину принять холодный душъ: можетъ быть, онъ будетъ тогда экономнѣе употреблять слова и не говорить, вмѣсто „семеро“, „семь душъ“.

На стр. 40 читаемъ: „Французы—тутъ, какъ тутъ“—Французы явились такъ быстро тутъ, какъ-будто—были тутъ; но по мнѣнію г. Петрова „тутъ-какъ-тутъ“, судя по его правописанію, есть сложное нарѣчіе мѣста (синтаксисъ стр. 79); однако такое мнѣніе есть слѣдствіе рѣшенія вопроса по формѣ, а не по существу“.

Зачѣмъ мудрить, зачѣмъ изъ мухи слона дѣлать? Не даромъ говорятъ, что нѣмецъ чорта выдумалъ (я всетаки думаю, что Ежевикинъ (ежевика) не русскій человѣкъ). Не проще ли сказать, что выраженіе „тутъ-какъ-тутъ“ показываетъ теперь быстроту появленія французовъ: оно и произносится быстро, обозначая мгновенность. Конечно, нѣмцу придется перевести это выраженіе по „существу“. Въ этомъ ужъ, простите, не виноватъ русскій языкъ. Ни одинъ русскій человѣкъ не изобразилъ до сего времени этого Лермонтовскаго стиха такъ, какъ написалъ его г. Ежевикинъ. Пишутъ безъ черточекъ, но не напишутъ съ тире и запятой. Никто не споритъ, что, пожалуй, предлагаемое правописаніе будетъ вѣрно исторически, но оно устарѣло и *приняло другое* синтаксическое значеніе. Даже старуха-грамматика съ этимъ разборомъ и правописаніемъ не согласна

Стр. 46. Нарѣчіе „назадъ“ г. Ежевикинъ предлагаетъ писать раздѣльно, „если въ данномъ случаѣ не вносится въ основаніе различенія этихъ сочетаній—предвкушеніе институтской стыдливости предъ созерцаніемъ коньюнкціи „на задъ“. Основаніе почтенное, но не грамматическое“.

Основаніе—предвкушеніе институтской стыдливости. Созерцаніе коньюнкціи „на задъ“... Смѣю увѣрить г. Ежевикина, что въ правописаніи „назадъ“ ни учителя, ни институтки ни при чемъ; никакого тутъ „предвкушенія институтской стыдливости“ нѣтъ Наоборотъ, если бы было необходимо „предвкушеніе“, то не появилось бы слово „назадъ“, а осталось бы навсегда „на задъ“: ужъ, повѣрьте, преподаватели русскаго языка на этомъ бы настояли, и классныя дамы насчетъ этого самаго съ ними были бы такъ же согласны.

Для предмета „задъ“, о которомъ вы, г. Ежевикинъ, думаете, есть нѣсколько словъ, очень характерныхъ, даже одно изъ нихъ того же корня со словомъ „задъ“. Въ прежнее времечко это слово заключало въ себѣ болѣе богатое и глубокое понятіе: въ „Русской Правдѣ“ Ярослава оно было синонимомъ нынѣшняго слова „наслѣдство“, показывая, что наслѣдовалъ тотъ, кто шелъ въ слѣдъ (въ задъ) за умершимъ по праву родства *) А теперь оно имѣетъ, къ сожалѣнію, только то значеніе, о которомъ думаетъ г. Ежевикинъ. Какъ измѣнчива и непостоянна судьба словъ!

Что жъ, будемъ писать такъ: она посмотрѣла на задъ и обомлѣла: онъ тутъ-какъ-тутъ.. Бродя въ задъ и впередъ **) („соотвѣт. сущ. въ коньюнкціи „впередъ“ потерпѣло измѣненіе въ ударенiи и въ звукѣ е. Стр. 45), онъ утомился.

Если я и заговорилъ о словѣ „назадъ“, то только потому, что мнѣ и самому это слово интересно, а въ особенности въ картинномъ освѣщеніи г. Ежевикина: „предвкушеніе институтской стыдливости при созерцаніи коньюнкціи“. А собственно говоря, г. Ежевкинъ въ своей книгѣ нисколько не въ претензіи на меня за употребленіе этого слова, а нападаетъ на покойнаго П. В. Смирновскаго, который, по словамъ „систематика“ внесъ своими „Курсами диктанта“ „заразу въ языкъ“ (стр. 49). Онъ не касается и и моей Этимологіи, вышедшей раньше учебниковъ Смирновскаго: въ Кіевѣ особенное вниманіе обратили по какимъ-то тайнымъ для меня обстоятельствамъ на мой Синтаксисъ.

Между прочимъ г. Ежевикинъ, нападая на Смирновскаго, предлагаетъ писать слѣдующія слова такъ: по-тому-что (стр. 74), гдѣ-ни-будь, куда-ни-будь и т. д. (стр. 54), пойму, потвойму, посвойму (стр. 54) всегда и безусловно отдѣльно: отъ чего, отъ того, по чему, по тому, со всѣмъ и т. д. (стр. 55), къ стати (стр. 45), въ явъ, на яву (стр. 44), въ даль, въ дали—всегда отдѣльно (стр. 45), яйца въ крутую (стр. 41), на удалую (всегда отдѣльно) и. т. д. (стр. 41), на вѣрное (слово) стр. 41 ***), въ старину, въ началѣ, въ

---

*) Аже будутъ робьи дѣти отъ мужа (отъ рабыни, незаконные), то з а д н и ц и (наслѣдства) имъ не имати. (Русская Правда, о наслѣдствѣ, 92).

**) Въ одно слово, что и объясняется г. Ежевикинымъ въ словахъ, приведенныхъ въ скобкахъ.

***) Самъ систематикъ и не подозрѣваетъ, что такой формы пока нѣтъ, такъ какъ не существуетъ прилагательнаго „навѣрный“. Есть только нарѣчіе „навѣрно“, хотя „навѣрное“ въ разговорѣ и стало проявляться.

займы, въ пору, въ слухъ въ волю, на встрѣчу, на ладъ, сего дня и т. д. всегда раздѣльно (стр. 96), въ мѣсто (всегда раздѣльно, стр. 95) и т. д. и т. д.

Довольно... „Безпардонная храбрость въ языкѣ, безпардонность родила слова: почему, зачѣмъ, отчего“ говоритъ г. Ежевикинъ на стр. 65 и добавляетъ: „предложеніе: зачѣмъ вы молчите“ — выражаетъ не только двусмысленность, но даже трехсмысленность“..

Я, право, завидую Смирновскому: онъ памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный, къ нему не зарастетъ народная тропа. Подумайте хорошенько: предложилъ свое правописаніе, и стала писать вся Россія такъ, какъ онъ хотѣлъ. Нѣтъ, г. Ежевикинъ, Смирновскій не былъ такимъ магомъ и волшебникомъ: заслуга его въ томъ, что онъ практическими руководствами распространилъ то, что уже бродило у всѣхъ при правописаніи. Конечно, заслуга важная... И вы этой заслуги не поколеблете и славы книгой своей не пріобрѣтете! Напрасно вы ломитесь въ открытыя двери: исторія правописанія не послушаетъ васъ: вы ничего новаго не предлагаете.

Вотъ если бы вы, напримѣръ, предвидя историческое направленіе въ правописаніи, предложили въ слѣдующемъ изданіи вашей книги писать слово „назадъ“ такъ: задъ на, потомъ—томъ по, почему—чему по, зачѣмъ—чѣмъ за, и ваше правописаніе было бы принято,—ну, тогда особь статья—вамъ и книги въ руки.

И стала бы писать православная Русь такъ: я повернулъ ее задъ на, чѣмъ за вы пошли? чему по вы молчите? Томъ по я зайду за тобой и т. д. На 20 стр. вы уже начинаете пророчествовать: говорите, что Крыловъ неправильно писалъ: что у тебя за страсть—куръ красть. По вашему надо бы сказать такъ: что за у тебя страсть куръ красть.

Починъ—дороже денегъ: дерзайте, г. Ежевикинъ: и вы дождетесь нерукотворнаго памятника.

Не унывай, старуха! Дѣла тебѣ впереди еще много. Я знаю, что ты сдержишь подобныхъ молодцовъ и не послушаешь псевдо-любителей русскаго слова.

На 40 стр. г. Ежевикинъ пишетъ: Въ предложеніи „Сытый голоднаго не разумѣетъ“ г. Петровъ считаетъ „сытый“ подлежащимъ (Синт., стр. 33), а не частью его (опредѣленіемъ), ибо г. Петровъ, если не выпускаетъ вовсе изъ виду, то—по крайней мѣрѣ—не прилагаетъ на практикѣ чувствуемаго имъ понятія „закона экономіи на языкѣ“, столь необходимаго для освѣщенія грамматическихъ вопросовъ“.

Типунъ бы вамъ на языкъ, г. Ежевикинъ! Я хорошо знаю, что вы собаку съѣли „въ законѣ экономіи на языкѣ“: но послушайте, что говоритъ профессоръ Овсянико-Куликовскій на стр. 185 своего синтаксиса: „Всякій, обладающій чутьемъ русскаго языка, пойметъ, что сказать „сытый человѣкъ не разумѣетъ голоднаго человѣка„ значитъ испортить выраженіе“. Вѣдь, не одно и то же сказать: Молодые съ визитомъ пріѣхали и молодые люди съ визитомъ пріѣхали.

Эхъ, да что говорить про г. Ежевикина! Онъ, кажется, нарочно мелетъ, что ему въ голову взбредетъ.

На стр. 60 онъ пишетъ: „Началъ учиться все хуже и хуже“; въ этомъ предложеніи мѣстоименіе „все“ не служитъ никакой частью его, не отвѣчаетъ ни на какой вопросъ

человѣческаго недоумѣнія, не переводимо на иностранные языки—по той причинѣ, что оно въ этомъ предложеніи совершенно лишнее"

Согласно этому неправильно говорятъ всѣ: и Крыловъ, и Пушкинъ и т. д. „Прекрасны, что и говорить, а все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова (Кр.). Все же мнѣ васъ жаль немножко (Пушк.).

На стр. 98—„Я тоже боленъ—предложеніе не правильное, слѣдовало бы сказать: и я такъ же боленъ", я въ такой же степени боленъ".

На стр. 109 „Межъ тѣмъ *), какъ съ бережку лисица рядитъ, судитъ,—кумъ рыбку удитъ—Съ бережку лисица рядитъ, судитъ, межъ тѣмъ кумъ рыбку удитъ; въ первомъ предложеніи траты $27^{3}/_{11}$ %, а во второмъ 22%".

Г. Ежевикинъ доказываетъ, что онъ экономнѣе Крылова: аккуратный нѣмецъ, нечего сказать!..

На стр. 52 „по мнѣнію г. Петрова „сквозь" есть предлогъ, и „поперекъ"—по его же мнѣнію—можетъ быть и предлогомъ и нарѣчіемъ (Синт., стр. 42)".

На стр. 43 моего синтаксиса есть примѣръ: сквозь волнистые туманы пробирается луна. Этотъ примѣръ данъ для того, чтобы показать, что слово „сквозь" безъ слова „туманы" не составляетъ члена предложенія, а показываетъ только отношеніе между предметами: луной и туманами. Въ данномъ случаѣ нарѣчіе „сквозь" употреблено въ значеніи предлога. Точно такъ же объяснено въ моемъ синтаксисѣ значеніе и служба нарѣчія: „поперекъ".

Не могу же я, будучи въ здравомъ умѣ, разсуждать такъ, какъ г. Ежевикинъ на 114 стр.: „Тетрадь лежитъ въ шкафу", предлогъ „въ" показываетъ, что тетрадь находится во внутренности другого предмета (Синт. Петрова, стр. 42) т. е.—прибавимъ отъ себя—„въ" показываетъ мѣсто".

Развѣ только лѣшій да г. Ежевикинъ знаютъ такое мѣсто, которое называется въ. Я вошелъ въ въ... Онъ носится въ своей книгѣ съ экономіей въ языкѣ, какъ курица съ яйцомъ Но такъ не поступаютъ дѣльные экономы: такъ дѣйствуютъ только ключники, не дающіе развиваться языку, не понимающіе главной экономіи въ немъ: части рѣчи, ради выраженія мысли, ради своей службы могутъ терять свое первоначальное значеніе. Нѣкоторыя теряютъ это значеніе до того, что становятся какъ бы неузнаваемы (хотя, между, пусть, будто, благодаря и т. д. и т. д.), другія же употребляются въ своемъ первоначальномъ и во вновь ими завоеванномъ значеніи (что бы—чтобы, отчего—отъ чего, почему—по чему и т. д. и т. д.).

Благодаря только этой-то экономіи, г. Ежевикинъ, и можетъ человѣкъ на протяженіи вѣковъ выражать свою мысль, несмотря на развитіе языка во всѣхъ отношеніяхъ.

Думаю, что я убѣдилъ г. Ежевикина.

На 75 стр. онъ пишетъ: „вопреки утвержденію г. Петрова многословныхъ союзовъ или союзныхъ реченій—въ русскомъ языкѣ нѣтъ". На прощаніе приведу примѣръ: г. Ежевикинъ пишетъ все, что только взбредетъ ему въ голову, „благо" бумага все терпитъ. Слово „благо"—имя сущ.; но значеніе его въ данномъ предложеніи не суще-

*) Запятая поставлена экономомъ—г. Ежевикинымъ, а не мною.

ствительнаго, а союза, ибо бѣдная бумага терпитъ, какъ разъ наоборотъ, не благо, а дребедень.

А въ примѣрѣ: „благодаря г. Ежевикину, я потерялъ много времени“ слово „благодаря“ (дѣепричастіе) вмѣстѣ со словами „г. Ежевикину“—автономное придаточное предложеніе, но такого допотопнаго образованія, что значеніе этого дѣепричастія совсѣмъ потерялось, и я никакого блага не дарю г. Ежевикину, а только говорю, что изъ-за г. Ежевикина я потерялъ много времени, такъ что слово „благодаря“ въ этомъ предложеніи является уже, скажемъ научно, фиктивнымъ предлогомъ.

На стр. 91 Ежевикинъ говоритъ: слова: „гдѣ, какъ куда, когда“—никогда не бываютъ союзами. На это, можетъ быть, скажутъ: Вотъ какъ можно зарапортоваться! Вотъ до чего можно договориться! Если „какъ“ и пр. слова никогда не бываютъ союзами, то послѣ этого съ вами, Милостивый Государь, невозможно разговаривать! Моя просьба: не разговаривайте, но выслушайте. „Бей, но выслушай“, сказалъ Алкивіадъ“.

Жму Вашу руку, г. Ежевикинъ: я Васъ почти выслушалъ и билъ, насколько хватало у меня и времени, и силы. Больше мнѣ некогда.

Въ заключеніе приведу слѣдующій анекдотъ. Въ прежнее время балаганы, когда я еще былъ гимназистомъ, строились на Адмиралтейской площади.

Старикъ-дѣдъ съ карусели балагурилъ съ толпой: онъ говорилъ, указывая на одинъ изъ домовъ: вотъ здѣсь живетъ нѣмецъ, который русскимъ языкъ показываетъ (относилось къ Гречу, извѣстному составителю одной изъ первыхъ русскихъ грамматикъ, по которой и я учился).

А теперь разскажу случай изъ моей учительской дѣятельности.

Является въ перворазрядный пансіонъ (давно уже гимназія, почти лѣтъ 25) окружной инспекторъ, Ф. Ф. Гельбке. Прекрасный человѣкъ онъ былъ: всегда простой, вѣжливый въ мѣру, снисходительный и предупредительный. Заберется бывало на заднюю скамейку и словно его и нѣтъ въ классѣ: ни учитель, ни ученикъ не думаютъ о немъ. Дѣло идетъ въ классѣ такъ, какъ шло и до него.

Разговорились въ учительской, тутъ же и начальница. Разговоръ зашелъ о томъ, кто изъ ученицъ пойдетъ держать экзаменъ по русскому языку въ Испытательный комитетъ. Я говорю, что пятерками отмѣчены все больше нѣмки: онѣ почти всегда аккуратны, исполнительны, знаютъ на зубокъ учебникъ. „А все-таки“, замѣчаю я, „не совсѣмъ надежны, потому что нѣмки“. Ф. Ф. Гельбке начинаетъ убѣдительно доказывать (онъ былъ филологомъ), что я неправильно смотрю на вещи. Я возражаю. Начальница дергаетъ меня за рукавъ, а я, не догадываясь, продолжаю свое.

Отправляемся въ классъ. Чтобы доказать свою правоту, я вызвалъ одну изъ нѣмочекъ-пятерочницъ и диктую: „Саша ѣсть молодецъ. Ученица пишетъ: „Саша есть молодецъ“. Мгновенно обозрѣваю классъ (онъ былъ небольшой) и вижу, что одна изъ русскихъ вострушекъ-троечницъ улыбается. „Вы что же улыбаетесь?“ спрашиваю я.—„Такъ никто не пишетъ: надо ѣ,—онъ скоро или много ѣстъ“ говоритъ вострушка.

Ф. Ф. Гельбке прощается и выходитъ изъ класса.

Очень жалѣю, что я, должно быть, увлеченный побѣдой, не подмѣтилъ, какое впечатлѣніе вынесъ изъ этого случая Ф. Ф. Гельбке.

А вотъ еще. Между преподавателемъ русскаго языка (литераторомъ) В. А. Александровымъ (впослѣдствіи инспекторомъ народныхъ училищъ, оставившимъ послѣ себя много полезныхъ трудовъ по народному образованію) и классной дамой, бывшей его ученицей уже въ другомъ перворазрядномъ пансіонѣ, въ которомъ особенное вниманіе обращали на преподаваніе родного языка (теперь гимназія, тоже около 25 лѣтъ), произошло, не извѣстно мнѣ, на какой почвѣ, недоразумѣніе. У классной дамы „ушки на макушкѣ“, когда въ классъ входилъ В. А. Александровъ.

На учительскомъ столѣ пера не было, и Александровъ впопыхахъ говоритъ: „Дайте пера!“ Новый козырь въ рукахъ классной дамы: можно сказать: „дайте хлѣба“, но „дайте пера“—нельзя, такъ какъ перо раздѣлить на части невозможно.

„Какой же это преподаватель русскаго языка“, говоритъ классная дама, „который и говорить-то по-русски не умѣетъ“. Александровъ на это упорно возражаетъ: „если я сказалъ: „дайте пера“, то значитъ,—это вѣрно: я не могу ошибаться“ (былъ, дѣйствительно, русскій человѣкъ, и замѣчательно, что курсъ окончилъ только въ уѣздномъ училищѣ).

Дѣло доходило до окружного инспектора. Вопросъ былъ поставленъ ребромъ: или Александровъ, или классная дама должны оставить мѣсто.

Въ это время Александровъ назначается инспекторомъ народныхъ училищъ, и преподавателемъ русскаго языка поступаю въ этотъ пансіонъ я. Въ первое же лѣто отправляюсь къ Александрову въ Череповецъ погостить. Какъ-то въ разговорѣ и сообщаю ему: „а я, вѣдь, отыскалъ въ грамматикѣ Буслаева, что ты былъ правъ, сказавъ: „дайте пера“ (стр. 157, изд. 8-е).

„Вѣдь, ты просилъ пера на *извѣстное время*, а не совсѣмъ. Ты долженъ былъ возвратить перо, а если бы не возвратилъ, то мировой судья присудилъ бы—отдать перо, такъ какъ были свидѣтели, что ты слово „перо“ поставилъ въ родит. пад. Пришлось бы заплатить судебныя издержки.

Вотъ другое дѣло, если бы ты сказалъ: „дайте перо!“ поставивъ слово „перо“ въ винительномъ падежѣ, тогда могъ бы, пожалуй, и завладѣть имъ, по крайней мѣрѣ, мировой судья былъ бы поставленъ втупикъ, какъ рѣшить дѣло о возвратѣ пера“.

Я боюсь, чтобы меня не поняли превратно. Я не утверждаю, что инородецъ никогда не усвоитъ вполнѣ русскаго языка. Наоборотъ, мы знаемъ нѣсколько славныхъ именъ ученыхъ инородцевъ, которые „намъ нашъ *языкъ показывали*“, хотя бы, напримѣръ, Я. К. Гротъ; но это избранныя, рѣдкія натуры; ихъ немного.

Ну, что, старуха, ты на это все скажешь? Довольна? Ты видишь, что дѣла тебѣ впереди очень много. Сколько инородцевъ на Руси,—всѣхъ ихъ надо толкомъ обучить русскому языку! И не думай о наступленіи соціальнаго строя: люди останутся людьми. Вилами, голубушка, это все еще писано, да еще и на водѣ. А что теперь у насъ наступило переходное время, такъ только радоваться надо: перемелется—мука будетъ. Только благодаря этому переходному-то времени появились и учебники, и книги съ рѣдкимъ содержаніемъ и, наконецъ, книжка: „Въ защиту старухи-граматики“. Заговорили и тѣ, кто прежде молчалъ и пикнуть не только не смѣлъ, но и не умѣлъ.

Старуха сіяетъ и, очень довольная, говоритъ:

Тутъ ужъ поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ, то и знай...

Некрасовъ.

Дѣло, старуха! не забывай родныхъ писателей: они выведутъ тебя на широкій путь. Закончимъ нашу бесѣду съ тобой стихами Кольцова:

И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко:
Напилась воды
Земля досыта.

На поля, сады,
На зеленые
Люди сельскіе
Не насмотрятся...

Кольцовъ.

Петербургъ, 25 апрѣля 1907 г.

# Изъ брошюры Д. Круглаго „На судъ преподавателей русскаго языка“.

Въ сборникѣ „Памяти Александра Аѳанасьевича Потебни“ мы читаемъ слѣдующія строки: „Разъ, помню—говоритъ одинъ изъ его слушателей—въ 1887 г. онъ (т. е. Потебня) на лекціи сдѣлалъ отступленіе о преподаваніи русскаго языка въ среднихъ школахъ, имѣя въ виду, что большинство его слушателей будутъ со временемъ преподавателями. По его мнѣнію, языку, а тѣмъ болѣе родному, слѣдуетъ учиться прямо изъ чтенія, не тратя много времени на зазубриваніе грамматическихъ правилъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ, неспособномъ понимать отвлеченности грамматики, по его мнѣнію, особенно слѣдуетъ избѣгать подробностей грамматическаго изложенія; кромѣ того, дѣти должны учиться преимущественно въ классѣ, а не отдавать только отчетъ въ своихъ урокахъ, заученныхъ дома. Я помню, что, высказывая этотъ взглядъ, онъ ссылался на Я. Гримма. Въ своей автобіографіи, а также и на словахъ онъ говорилъ про себя, что только потому могъ заняться всю жизнь грамматикой, что никогда не зубрилъ грамматическихъ правилъ. Сбивчивость и неясность ходячихъ грамматическихъ опредѣленій въ нашихъ учебникахъ онъ показалъ во „Введеніи“. Очень удобнымъ въ педагогическомъ отношеніи способомъ онъ считалъ наглядность и потому находилъ удобными опредѣленія индійскихъ грамматиковъ“...

Въ этихъ словахъ заключаются весьма цѣнныя указанія и на сущность грамматическаго преподаванія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и на обычные недостатки нашихъ школьныхъ грамматикъ русскаго языка. Слѣдуя этимъ указаніямъ, необходимо въ основу школьныхъ занятій грамматикой положить изученіе языка; разъясненію отвлеченныхъ правилъ предпослать наглядность, вытекающую изъ изученія языка; избѣгать подробностей и освобождать ходячія грамматическія опредѣленія отъ сбивчивости и неясности. Такими правилами въ настоящее время долженъ руководиться преподаватель русскаго языка и на урокахъ и въ своихъ учебникахъ. Послѣдніе, при всей ихъ многочисленности и разнообразіи, могутъ быть подведены подъ два типа, между которыми распредѣлится большинство ихъ. Одни изъ школьныхъ учебниковъ вовсе не содержатъ въ себѣ такъ называемыхъ грамматическихъ препаратовъ, т. е. примѣровъ на извѣстныя правила, другіе, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, заключаютъ намѣренно подобранные примѣры, заимствованные изъ нашихъ лучшихъ писателей. Въ однихъ учебникахъ не дается методическихъ указаній, въ другихъ они на лицо. Тотъ и другой способъ построенія учебника по русской грамматикѣ имѣетъ своихъ послѣдователей среди преподавателей русскаго языка, которые приводятъ въ оправданіе своихъ воззрѣній опредѣленныя данныя. Виднымъ представителемъ второго взгляда необходимо признать г. Петрова, автора весьма распространенной въ настоящее время грамматики

„Русскій языкъ“, которая уже однимъ своимъ заглавіемъ ярко указываетъ на цѣль, какую имѣетъ въ виду авторъ этой книги, уже выдержавшей, Этимологія—12, а Синтаксисъ—13 изданій. Первое изданіе появилось въ 1879 г. Стало быть, уже въ теченіе 25 лѣтъ книга эта удовлетворяетъ потребностямъ русской школы, являясь трудомъ вполнѣ продуманнымъ, т. е. выполняющимъ свое назначеніе. Къ выдающимся особенностямъ этой грамматики, рѣзко выдѣляющимъ ее изъ числа другихъ, является планъ, согласно которому распредѣленъ весь матеріалъ: примѣры, выводы, задачи. Затѣмъ три главныя части, на которыя распадается весь курсъ Синтаксиса: 1 Синтаксисъ простого предложенія, 2. Значеніе частей рѣчи и 3. Синтаксисъ сложнаго предложенія, заключаютъ „Примѣры для повторенія“ и „Вопросы для повторенія“, имѣющіе объединяющее или обобщающее значеніе: здѣсь дается матеріалъ въ видѣ примѣровъ или вопросовъ для повторенія всего прежде пройденнаго. Что касается многочисленныхъ примѣровъ, то всѣ они, будучи выбраны изъ нашихъ классиковъ съ большимъ тактомъ и вкусомъ, превращаютъ всю грамматику въ поэтическій цвѣтникъ. Особенно хороши болѣе или менѣе значительные стихотворные отрывки, помѣщенные въ различныхъ частяхъ этой грамматики подъ слѣдующими заглавіями: 1. Зимнее утро въ столицѣ, 2. Осенняя пѣсенка, 3. Птичка, 4. Восходъ солнца, 5. На разсвѣтѣ, 6. Примѣты осени. 7. Вечеръ, 8. Ночлегъ въ деревнѣ, 9. Весна, 10. Ночь, 11. Выѣздъ ямщика, 12. Косарь, 13. Береза, 14. Родина и нѣкоторые другіе отрывки, приведенные безъ заглавій: 2 отрывка изъ былинъ, 2—изъ басенъ Крылова, 6—изъ Пушкина и Лермонтова. Кромѣ того, многіе изъ такъ называемыхъ прозаическихъ примѣровъ отличаются значительностью объема, придающаго имъ характеръ законченнаго цѣлаго. Такъ на стр. 42 мы находимъ примѣръ изъ Аксакова въ 12 строчекъ, на стр. 59 тоже изъ Аксакова въ 12 стр., на стр. 60 примѣръ изъ Л. Толстого въ 10 строчекъ, на стр. 64 примѣръ изъ Аксакова занимаетъ цѣлую страницу. Столь же обширные отрывки находятся на стр. 82, 91, 92, 95, 96 и т. д. Такое обиліе стихотворнаго и прозаическаго матеріала, сообщая учебнику характеръ литературной грамматики, указываетъ на постоянное стремленіе автора знакомить учениковъ съ явленіями русской рѣчи путемъ изученія языка на болѣе или менѣе обширныхъ отрывкахъ, а также и на намѣреніе его облегчать учащимся трудность усвоенія отвлеченныхъ грамматическихъ правилъ путемъ наглядности. Несомнѣнно, что подобная разработка грамматическихъ положеній на урокѣ въ классѣ значительно облегчаетъ и задачу преподавателя и, что особенно важно, дѣло учениковъ, которымъ не приходится уже безсмысленно заучивать различныя правила грамматики съ потерей времени и не только безъ всякой пользы для своего развитія, но и во вредъ ему. Правильно поставленное преподаваніе грамматики родного языка—дѣло не маловажное. Въ своей рѣчи, произнесенной на торжественномъ актѣ Харьковскаго университета 17 января 1901 г. „О значеніи научнаго языкознанія для психологіи мысли“*) проф. Овсянико-Куликовскій, дѣлая отклоненіе въ сторону педагогіи, высказываетъ слѣдующія мысли: „Всѣ мы помнимъ огорченія дѣтскихъ лѣтъ, когда насъ заставляли сознавать, отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что „человѣкъ“ есть имя существительное мужск. рода и склоняется такъ-то, а „добрый, добрая, доброе“ есть имя прилагательное и т. д. Это была въ своемъ родѣ умственная операція, довольно мучительная, но безусловно необходимая въ интересахъ образованія: юнаго паціента насильно заставляли тратить не мало умственной силы на сознаваніе тѣхъ формъ мысли, которыя, въ интересахъ самого мышленія, должны дѣйствовать безсознательно, автоматически. Операція была мучительна. Помимо того, что она является необходимымъ основаніемъ всего дальнѣйшаго обученія

*) См. записки Имп. Харьк. Унив. за 1901 г., кн. 2-я.

и образованія, она въ то же время служитъ лучшимъ и наиболѣе приспособленнымъ къ дѣтскому возрасту орудіемъ пробужденія самосознанія, пріученія къ рефлексіи. Безъ рефлексіи нѣтъ ни самосознанія, ни критики. Пусть рефлексія подрываетъ живую непосредственность психики, но вѣдь съ этою живою непосредственностью человѣкъ недалеко пойдетъ въ своемъ умственномъ развитіи Задача образованія не въ томъ, чтобы наполнить голову фактическимъ матеріаломъ, а въ томъ, чтобы, упражняя рефлексію, воспитать самосознаніе и выработать критическую силу мысли. Первая и простѣйшая рефлексія—это именно рефлексія грамматическая На эту точку зрѣнія и нужно стать, чтобы правильно судить о воспитательномъ значеніи языковъ въ низшей и средней школѣ, сперва, разумѣется, родного, а потомъ и иностранныхъ вообще, классическихъ—въ частности“. .

Отводя видное мѣсто въ своемъ учебникѣ значительнымъ по объему стихотворнымъ прозаическимъ отрывкамъ, имѣющимъ въ той или другой степени характеръ законченнаго цѣлаго, г. Петровъ не оставляетъ въ сторонѣ и отдѣльныхъ предложеній, грамматическому разбору которыхъ онъ, по всей справедливости, придаетъ немаловажное значеніе. Въ такомъ, именно, смыслѣ, онъ высказывается въ своемъ заявленіи, сдѣланномъ имъ по поводу доклада г. Ѳомина *) „О преподаваніи въ кадетскихъ корпусахъ“, прочитаннаго послѣднимъ на первомъ съѣздѣ преподавателей русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Признавая интересными и поучительными доводы, какіе г. Петровъ приводитъ въ защиту и оправданіе своего взгляда, считаемъ умѣстнымъ помѣстить здѣсь его заявленіе: „Многіе изъ возражавшихъ по поводу реферата г. Ѳомина очень красно, картинно говорили, что проходить грамматику слѣдуетъ на образцахъ цѣлыхъ произведеній, а не на отдѣльныхъ предложеніяхъ, фразахъ. Приводили примѣры изъ 3-ей части „Родного Слова“ Ушинскаго, гдѣ вся начальная грамматика пройдена на одной сказкѣ „О рыбакѣ и рыбкѣ“. Одинъ изъ референтовъ, взявъ изъ сказки предложеніе „они жили въ ветхой землянкѣ ровно тридцать лѣтъ“ и остановившись на словѣ „лѣтъ“, не прибавляя словъ „три года“,—долго и очень долго показывалъ намъ, какъ надо проходить грамматику, орѳографію.

Покойный Ушинскій, дѣйствительно, много лѣтъ тому назадъ своимъ примѣромъ указалъ намъ, что грамматику слѣдуетъ проходить на образцахъ; но я глубоко убѣжденъ, что никто изъ преподававшихъ и преподающихъ въ настоящее время не проходилъ всей грамматики на одной сказкѣ „О рыбакѣ и рыбкѣ“. А если кто рѣшался взяться за такой нелѣпый подвигъ, то какъ не пожалѣть тѣхъ бѣдныхъ учениковъ, съ которыми продѣлывали подобную пытку. Несчастныя дѣти! Цѣлыхъ два года, а можетъ быть и больше ихъ держали на одной сказкѣ, все говорили о старикѣ и старухѣ. И склоненія, и спряженія и подлежащее, и опредѣленіе, и предлогъ, и союзъ и все, все грамматическое вынесла на своихъ плечахъ эта великая сказка. И неужели навсегда она, великолѣпная, не опротивѣла бѣднымъ дѣтишкамъ? Нѣтъ, этого никто и никогда не продѣлывалъ съ ними. Обыкновенно начинали и на половинѣ, а то и ранѣе, бросали грамматику на „сказкѣ“.

Итакъ, думается мнѣ, что на одномъ образцѣ всей грамматики пройти нельзя. Въ этомъ же засѣданіи одинъ изъ чуткихъ оппонентовъ замѣтилъ, что напрасно было взято для примѣра предложеніе „они жили въ ветхой землянкѣ ровно „тридцать лѣтъ“, и сказалъ, что можно было бы взять прозаическій отрывокъ, а оттуда уже выбрать для разбора подходящее предложеніе.

Покойный Буслаевъ въ своей книгѣ „О преподаваніи отечественнаго языка“

---

*) См. „Труды перваго съѣзда преподавателей русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ“. Изданіе Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній. С.-Петербургъ, 1904 г., стр 123—126.

(2-ое изд. 1867 г.) даетъ уже разнообразные образцы какъ цѣлыхъ произведеній, такъ и отдѣльныхъ предложеній. Привожу 8-й примѣръ (стр. 199): „былъ такой искусный плотникъ, что одинъ-одинехонекъ построилъ огромный домъ только въ одну ночь“.

Послѣ попытки Ушинскаго появились грамматики (въ числѣ ихъ и грамматика Селитренникова, упомянутая г. Цвѣтковскимъ), въ которыхъ предложены разнообразные образцы (цѣлыя произведенія), заключавшіе два или три слова, необходимыя въ данномъ случаѣ для преподавателя. Разсматривались съ грамматической стороны эти слова, а тѣ, которыхъ не было въ образцѣ, преподаватель или самъ приводилъ, составлялъ изъ нихъ примѣръ (можетъ быть, уже и не литературный), или ограничивался этими двумя словами. Прошло время и теперь уже грамматику Селитренникова трудно найти въ продажѣ.

Грѣшный человѣкъ, я никакъ не могу себѣ уяснить, какимъ образомъ основательно можно пройти всю грамматику на образцахъ, представляющихъ цѣлые отрывки, цѣлыя произведенія. Представимъ себѣ, что нужно пройти съ дѣтьми на образцахъ нарѣчія. Сколько цѣлыхъ произведеній долженъ подыскать преподаватель, чтобы пройти эту часть рѣчи! Онъ нашелъ въ балладѣ „Утопленникъ“ слова „второпяхъ“, „ввѣкъ“ и обрадовался. Читается произведеніе. Прочитали (вѣдь, на это надо время!). Ученикъ долженъ забыть произведеніе и все свое вниманіе сосредоточить на словахъ: второпяхъ, ввѣкъ, и только на двухъ этихъ нарѣчіяхъ. Зачѣмъ же было огородъ городить, при чемъ тутъ все произведеніе „Утопленникъ“?

Надо познакомить дѣтей съ употребленіемъ нарѣчій не, ни, и вотъ на счастье пришло въ голову стихотвореніе „Птичка“, и останавливается вниманіе учениковъ на предложеніи: „Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда“. Прекрасный примѣръ, что и говорить! Но вѣдь всего одинъ литературный примѣръ и только на одинъ случай употребленія нарѣчія ни. А въ классѣ много учениковъ, надо много примѣровъ. Ищи и ищи новыя произведенія. Читай ихъ снова. Надо, чтобы эти примѣры (литературные) дали и знаніе по грамматикѣ и въ то же время способствовали знакомству съ языкомъ у народа, у лучшихъ писателей, которые жизнь семьи и улицы представляютъ въ своихъ произведеніяхъ.

Богатый русскій языкъ, богатство его народныхъ произведеній, его выраженій, его пословицъ, произведенія нашихъ образцовыхъ писателей даютъ громаднѣйшій матеріалъ пройти грамматику на образцахъ отдѣльныхъ предложеній. Развѣ слѣдующія отдѣльныя предложенія (привожу на удачу): „О, щедрый Богъ! не вовсежь я Тобою позабытъ!“ или: „Ни кола, ни двора“—не представляютъ образца, не даютъ знакомства съ языкомъ лучшаго поэта и народнымъ, да, наконецъ, развѣ они не цѣлыя произведенія?..

Прохожденіе грамматики на отдѣльныхъ, искусно подобранныхъ предложеніяхъ, какимъ бы скромнымъ ручейкомъ грамматика ни слыла,—дастъ огромные результаты и позволитъ бѣдной русской грамматикѣ разлиться ручьемъ, рѣчкой, рѣкой и влиться въ широкое, безпредѣльное море русской прозы и поэзіи.

Въ послѣднее время составители грамматикъ, оставивъ попытки Ушинскаго, Селитренникова и другихъ, остановились на искусномъ подборѣ матеріала для прохожденія грамматики. Мнѣ думается, что если проходить грамматику на образцахъ, то только и возможно на искусно подобранныхъ отдѣльныхъ предложеніяхъ. Прохожденіе же грамматики на цѣлыхъ произведеніяхъ представляется мнѣ каторгой какъ для учениковъ, такъ и для учителя.

Дай Богъ, чтобы 1-ый съѣздъ преподавателей русскаго языка достигъ того, чтобы въ школѣ, дѣйствительно, преподавался „великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!“.

Авторъ вдумчиво относится ко всему, что входитъ въ его учебникъ Остановимся

на незамѣтныхъ, повидимому, сторонахъ, которыя, пожалуй, могутъ быть даже поставлены ему въ вину.

Сначала скажемъ нѣсколько словъ относительно подробностей плана.

Въ учебникѣ г. Петрова знакомство съ „обстоятельствомъ цѣли“ впереди знакомства съ „обстоятельствомъ причины“ *). Кому же не извѣстно, что дѣти усваиваютъ скорѣе первый членъ предложенія, чѣмъ второй? Потому ли что ихъ разумѣнію понятнѣе коренное происхожденіе слова „цѣль“, чѣмъ „причина“? Потому ли, что „цѣль“ есть видовое понятіе „причины“—но усвоеніе дѣтьми „обстоятельства цѣли“ легче, чѣмъ обстоятельства причины“. Хотя, конечно, всѣ эти категоріи очень спорны. Совершенно правильно замѣчаетъ проф. Овсянико-Куликовскій въ своей книгѣ „Синтаксисъ русскаго языка“, стр. 255, что въ предложеніи: „Онъ сказалъ это всердцахъ“ выраженіе „всердцахъ“ колеблется между обстоятельствомъ причины и обстоятельствомъ образа дѣйствія“. Итакъ, обстоятельство причины уже есть родовое понятіе, а потому его труднѣе усвоить, чѣмъ обстоятельство цѣли, какъ понятіе видовое. Впрочемъ, мы сталкиваемся здѣсь съ безконечнымъ споромъ, какія понятія явились сначала—видовыя или родовыя? (Яйцо или курица?)

Разсмотрѣвъ всѣ члены предложенія, авторъ знакомитъ учениковъ съ неполнымъ предложеніемъ. Подборъ примѣровъ изъ образцовыхъ писателей даетъ ему возможность легко показать ученикамъ пропуски главныхъ и второстепенныхъ членовъ предложенія.

Подготовивъ учениковъ къ такому явленію языка, авторъ смѣло приступаетъ съ ними къ знакомству съ восклицательными и вопросительными предложеніями, форма которыхъ—въ особенности въ такъ называемыхъ отвѣтныхъ предложеніяхъ—часто заключаетъ уже одно только слово, служащее отвѣтомъ.

Послѣ восклицательныхъ и вопросительныхъ предложеній помѣщена статья объ „Обращеніи“.

Кому же не извѣстно изъ преподающихъ, что часто ученики, знакомясь съ обращеніемъ, путаютъ его съ подлежащимъ? Слѣдуя же расположенію учебника г. Петрова, подобныхъ ошибокъ уже не встрѣчается: на предыдущихъ разборахъ ученики были подготовлены къ тому, что подлежащія (большинство же поэтическихъ примѣровъ съ „обращеніями“ не заключаютъ въ себѣ ихъ) могутъ подразумѣваться.

За „Обращеніемъ“ слѣдуетъ разборъ „Безличнаго предложенія“, въ которомъ уже грамматическаго подлежащаго нѣтъ, и оно не подразумѣвается. Затѣмъ идутъ „Вводныя слова“, не составляющія, какъ и „Обращеніе“, члена предложенія.

Разсмотрѣвъ всѣ виды простого предложенія, роль частей рѣчи въ предложеніи, согласованіе и управленіе въ простомъ предложеніи, авторъ переходитъ къ сложному предложенію. Въ § 35 (стр. 49, изд. 13-ое) его грамматики говорится: „При построеніи сложнаго предложенія различаютъ: 1) сліяніе предложеній, 2) подчиненіе предложеній, 3) сочиненіе предложеній, 4) вставку предложеній. Затѣмъ по порядку сначала разсматривается слитное предложеніе. Пожалуй, и здѣсь можно не согласиться съ авторомъ, разсматривающимъ слитное предложеніе, какъ разновидность сложнаго. Но едва лишь мы вспомнимъ классъ, какъ тотчасъ же убѣдимся, что иначе онъ и не могъ поступить: на предыдущихъ урокахъ въ головѣ дѣтей сложилось понятіе о простомъ предложеніи, какъ о такомъ, которое не заключаетъ въ себѣ однородныхъ членовъ. Но и изъ его грамматики не вытекаетъ, что слитное предложеніе есть такое же сложное. Это мы видимъ изъ слѣдующей главы „Подчиненіе предложеній. Слитное предложеніе“. Такимъ образомъ, авторъ, не причисляя слитнаго предложенія къ сложному, противополагаетъ только понятіе о простомъ предложеніи понятію о сложномъ, что совершенно необходимо для уясненія ученикамъ (простое и

*) Въ грамматикѣ Смирновскаго такъ же, какъ и у г Петрова. Въ грамматикѣ Кирпичникова (изд. 10-ое, 1879 г.) сначала—обст. причины, а затѣмъ—цѣли.

трудное). Здѣсь, какъ и во всей своей грамматикѣ, онъ вѣренъ себѣ: у него на первомъ планѣ ученикъ и его пониманіе. Можетъ также, пожалуй, показаться страннымъ, почему авторъ начинаетъ разсмотрѣніе придаточныхъ предложеній съ придаточнаго опредѣлительнаго, а не съ придаточныхъ подлежащихъ и сказуемыхъ, какъ бы того требовалъ строго-аналитическій методъ. Но передъ разсмотрѣніемъ придаточнаго опредѣлительнаго авторъ учебника предпосылаетъ отдѣльную статью, въ которой разъясняется, какъ иногда человѣкъ, для передачи своей мысли, преобразуетъ отдѣльный членъ въ цѣлое придаточное предложеніе, и, такимъ образомъ, появляются въ языкѣ придаточныя разныхъ наименованій. Давъ понятіе о появленіи въ языкѣ разныхъ придаточныхъ предложеній, авторъ подробно разсматриваетъ сначала придаточныя опредѣлительныя предложенія, какъ такія, которыя легче всего усваиваются дѣтьми, въ особенности въ томъ случаѣ, когда придаточныя опредѣлительныя подчиняются мѣстоименіями, и сокращеніе которыхъ понятнѣе, ближе для дѣтей, чѣмъ сокращеніе другихъ придаточныхъ предложеній.

Мы видимъ, что авторъ измѣняетъ строго аналитическому методу ради того, чтобы предыдущее помогало ученикамъ усвоенію послѣдующаго. Но грамматика для учениковъ есть учебная наука. Если мы только примѣнимъ къ этой грамматикѣ строго научный методъ, то вся она разорвется по швамъ. Съ этимъ надо считаться.

Разительнѣе всего такая измѣна строго аналитическому методу замѣтна на томъ, что послѣ статьи о придаточномъ опредѣлительномъ предложеніи помѣщается статья о приложеніи, а послѣ дополнительнаго предложенія—вносное предложеніе. Нарушается такимъ образомъ цѣльность плана. Конечно, авторъ учебника могъ бы отнести приложеніе къ синтаксису простого предложенія, разсматривая приложеніе, какъ членъ предложенія )—опредѣленіе. Но это было бы, во-первыхъ, не совсѣмъ точно, такъ какъ приложеніе ближе примыкаетъ къ своему опредѣляемому, чѣмъ опредѣленіе. А, во-вторыхъ, авторъ встрѣчается при приложеніи съ употребленіемъ запятой, единительнаго знака, двоеточія, тире и скобокъ. Не желая дѣтямъ ничего давать безъ объясненія, безъ извѣстнаго освѣщенія, онъ помѣщаетъ статью о приложеніи послѣ придаточнаго опредѣлительнаго, что даетъ ему возможность объяснить при приложеніи употребленіе запятой и другихъ знаковъ препинанія. Здѣсь проявляется у автора поразительное чутье языка. Болѣе 25 лѣтъ, какъ статья о приложеніи помѣщается у него послѣ придаточнаго предложенія, въ синтаксисѣ сложнаго предложенія. Въ своей книжкѣ „Синтаксисъ русскаго языка“, изданной въ 1902 г., проф. Овсянико-Куликовскій на стр. 225 говоритъ слѣдующее: „Самостоятельность приложенія становится еще замѣтнѣе, когда оно имѣетъ при себѣ свои второстепенныя части (дополненія, опредѣленія, обстоятельства), а также (и въ особенности) когда оно выражено причастьями, обладающими, какъ мы знаемъ, своей собственною предикативностью. Напр.: „величественная въ своемъ однообразіи, зеленая степь предстала нашимъ взорамъ“, гдѣ прилагательное „величественная“ становится приложеніемъ только потому, что имѣетъ при себѣ свое дополненіе; иначе подобно другому прилагательному „зеленая“ оно было бы простымъ опредѣленіемъ слова „степь“. Присутствіе второстепенныхъ частей, относящихся къ опредѣленію, удаляетъ его отъ опредѣляемаго и этимъ сообщаетъ ему какъ бы тѣнь особой предикативности“ [*]). Итакъ, взглядъ автора учебника „Русскій языкъ“ на приложеніе, какъ на второе сказуемое (тѣнь предикативности) подтверждается новѣйшими изысканіями въ области русскаго синтаксиса.

---

*) Такъ поступилъ Смирновскій въ своемъ учебникѣ, изд 12-ое.

*) Курсивъ составителя брошюры.

Намъ остается только выяснить, почему авторъ учебника послѣ придаточнаго дополнительнаго помѣщаетъ вносное предложеніе, а не придаточное обстоятельственное, какъ того требуетъ строго аналитическій методъ. Для выясненія этого пункта указываемъ на 76-ую страницу его учебника, гдѣ проводится параллель между вноснымъ и придаточнымъ дополнительнымъ: „Его (т. е. вносное предложеніе) можно разсматривать, какъ придаточное дополнительное, въ которомъ выпущенъ союзъ, напр., я сказалъ: „мы идемъ спасать отечество!“ Въ приведенныхъ словахъ собственно два предложенія: я сказалъ—первое предложеніе, и мы идемъ спасать отечество—второе; но эти же два предложенія можно передать такъ: я сказалъ, что мы идемъ спасать отечество. Разница между вноснымъ и придаточнымъ дополнительнымъ предложеніями заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ мы передаемъ въ точности слова говорящаго, а во второмъ приводимъ только его мысль“.

Итакъ, мы видимъ, что расположеніе грамматическаго матеріала основано на посильности перехода отъ неизвѣстнаго къ неизвѣстному. Останавливаясь на этомъ, взглянемъ, перелистывая мимоходомъ книжку „Русскій языкъ“, на тѣ незамѣтныя объясненія, какія авторъ помѣщаетъ въ своемъ учебникѣ между прочимъ.

На стр. 25 приводится примѣръ: близко локоть, да не укусишь *). Авторъ, объясняя безличное второе предложеніе, говоритъ: „во второмъ предложеніи не указано лица, и нельзя его подразумѣвать (ты-то укусишь, а вотъ самъ такъ не сможешь укусить“).

На стр. 70, говоря о сокращеніи придаточныхъ дополнительныхъ предложеній, авторъ даетъ два примѣра: 1) Нашли, что лодка проломлена. Нашли проломъ лодки. Онъ говоритъ, что „между приведенными предложеніями большая разница: въ 1-мъ предложеніи выражается только то, что лодка проломлена, что она, можетъ быть, оттого и течетъ; во второмъ же предложеніи указывается уже, что найденно то мѣсто, гдѣ лодка проломлена“.

На стр. 94 въ выноскѣ помѣщается такое объясненіе: „Слово сочиненіе происходитъ отъ слова чинъ; такъ что по этому способу соединенія предложеній связываются предложенія одного порядка, имѣющія одно значеніе, одну силу, что составляетъ противоположность соединеній предложеній по способу подчиненія, при которомъ связываются предложенія не одного чина, не одного порядка, а наоборотъ—главное и подчиненное (придаточное“).

Вообще на протяженіи всей грамматики мы видимъ постоянное желаніе и заботу автора объяснять все трудное, мало понятное, и объяснять такъ, чтобы и плохой ученикъ понялъ его объясненія.

Въ настоящее время синтаксисъ г. Петрова выходитъ 13-мъ изданіемъ. Несомнѣнно, что, подъ вліяніемъ книжки „Русскій языкъ“, имѣющей вполнѣ практическій характеръ, должны были появиться и другіе практическіе учебники подобнаго же рода. Изъ числа послѣднихъ, по нѣкоторымъ причинамъ, которыя выяснятся ниже, обращаетъ на себя особенное вниманіе грамматика г. Абраменко, вышедшая въ свѣтъ подъ заглавіемъ „Практическій синтаксисъ русскаго языка (въ образцахъ и задачахъ“). Второе изданіе. Кіевъ. 1905 г. Цѣна 40 к.

Кто берется за составленіе новаго учебника, конечно, долженъ быть знакомъ съ литературой своего предмета, особенно съ тѣми изъ прежде появившихся учебниковъ, которые пользуются хорошей репутаціей. Внимательное разсмотрѣніе книжки г. Абра-

---

*) Примѣры такъ удачно подобраны, что невольно вспоминаются слова покойнаго составителя учебника русской грамматики Смирновскаго: „въ своей грамматикѣ мнѣ приходилось нерѣдко пользоваться прекрасно подобранными примѣрами грамматики г. Петрова“

менко привело насъ къ убѣжденію, что особенное вниманіе онъ обратилъ на грамматику г. Петрова.

Посмотримъ теперь, какъ г. Абраменко справился со своей задачей. Прежде всего нельзя не отмѣтить поражающаго сходства въ примѣрахъ, помѣщенныхъ въ обѣихъ грамматикахъ: г. Абраменко и г. Петрова. Конечно, дѣло, пожалуй, вполнѣ естественное, если въ различныхъ учебникахъ по русской грамматикѣ встрѣчаются мѣстами одни и тѣ же примѣры, особенно такіе, которые, по общему признанію, считаются классическими, и потому безъ нихъ не обходится ни одна грамматика Но что слѣдуетъ думать, если въ двухъ грамматикахъ, изъ которыхъ одна появилась значительно позже другой, одинаковые примѣры встрѣчаются очень часто, иногда цѣлые наборы ихъ, даже въ той послѣдовательности, какая придана имъ авторомъ болѣе ранней грамматики, въ данномъ случаѣ синтаксиса г. Петрова? Чтобы не быть голословнымъ, привожу всѣ примѣры, какіе мнѣ удалось замѣтить, какъ общіе, въ обѣихъ грамматикахъ. Указываю и на такія страницы учебника г. Абраменко, гдѣ попадаются по одному, по два примѣра, какіе находятся въ книжкѣ „Русскій языкъ“.

| Синтаксисъ г Абраменко | Синтаксисъ г Петрова |
|---|---|
| Стр. 1. 3 примѣра. | Стр 21, 37, 27. |
| „ 2. 10 примѣровъ. | „ 38, 34, 35. |
| „ 3. 3 примѣра. | „ 35, 34. |
| „ 4 15 „ | „ 3, 35, 16, 21, 36, 37 |
| „ 5. 9 „ | „ 36, 28, 24, 3, 37. |
| „ 6. 13 „ | „ 37, 7, 38, 86, 10, 39, 36 |
| „ 7. 3 „ | „ 7, 38. |
| „ 8. 6 „ | „ 8, 6, 39, 40. |
| „ 9. 3 „ | „ 40, 8. |
| „ 10. 1 „ | „ 11, (Восходъ солнца). |
| „ 11. 1 „ | „ 12. |
| „ 12. 8 „ | „ 13, 14 |
| „ 13. 3 „ | „ 51, 16, 17. |
| „ 14. 11 „ | „ 15, 16, 17. |
| „ 15. 10 „ | „ 15, 17, 41, 42. |
| „ 16. 13 „ | „ 29, 40, 8, 7, 34, 41, 15, 30. |
| „ 17. 8 „ | „ 15, 13, 8, 22, 23 |
| „ 18. 3 примѣра. | „ 23, 22. |
| „ 19 4 „ | „ 26 |
| „ 20. 10 примѣровъ. | „ 18, 19, 24. |
| „ 21. 15 „ | „ 24, 25, 19. |
| „ 22. 7 „ | „ 24, 19, 66, 29 |
| „ 23. 7 „ | „ 22, 23, 27. |
| „ 24. 3 „ | „ 29, 13 |
| „ 28. 6 „ | „ 68, 52, 51, 48. |
| „ 29. 1 „ | „ 51. (Родина) |
| „ 30. 2 „ | „ 53, 48. |
| „ 31. 9 „ | „ 52, 48, 53, 54 |
| „ 32 4 „ | „ 52, 48, 53. |
| „ 34. 2 „ | „ 38, 31 |
| „ 35. 6 „ | „ 81. 65, 54, 32 |
| „ 37. 5 „ | „ 43, 79, 103, 69, 71. |
| „ 38. 3 примѣра. | „ 78, 65, 58. |
| „ 39. 4 „ | „ 63, 55, 87, 85 |
| „ 40. 10 примѣровъ. | „ 58, 59, 74, 64. |
| | „ 60, 61, 86 |
| „ 41. 1 примѣръ. | „ 58. |
| „ 42. 3 примѣра. | „ 74, 65, 58. |
| „ 44 5 „ | „ 69 |
| „ 45. 2 „ | „ 69, 70. |
| „ 46. 5 „ | „ 69, 74, 72. |

| | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|
| Стр. | 47. | 8 | примѣра. | Стр. | 72, 73, 74. |
| „ | 48. | 8 | „ | „ | 75, 74, 72, 55, 56, 73. |
| „ | 49. | 3 | „ | „ | 56, 73, 77. |
| „ | 50. | 2 | „ | „ | 77, 85. |
| „ | 51. | 7 | „ | „ | 77, 86, 79. |
| „ | 52. | 2 | „ | „ | 80, 78. |
| „ | 53. | 5 | „ | „ | 79, 88, 86, 80. |
| „ | 54. | 6 | „ | „ | 80, 108 87, 81. |
| „ | 55. | 6 | „ | „ | 81, 99, 82. |
| „ | 56. | 5 | „ | „ | 82, 81, 10. (Птичка). |
| „ | 57. | 8 | „ | „ | 84, 88. 85. |
| „ | 58. | 4 | „ | „ | 85, 106, 74. |
| „ | 59. | 7 | „ | „ | 83, 87, 17, 84. |
| „ | 60. | 2 | „ | „ | 67, 68. |
| „ | 61. | 7 | примѣровъ. | „ | 67, 64. |
| „ | 62. | 1 | „ | „ | 66. |
| „ | 63. | 5 | „ | „ | 67, 68. |
| „ | 64. | 6 | „ | „ | 66, 75, 76. |
| „ | 66. | 3 | „ | „ | 77, 5, 75. |
| „ | 68. | 3 | „ | „ | 89, 90, 101. |
| „ | 69. | 8 | „ | „ | 89, 90. 91. |
| „ | 70. | 2 | „ | „ | 89, 102. |
| „ | 71. | 1 | „ | „ | 89. |
| „ | 72. | 3 | примѣра. | „ | 53, 98, 97. |
| „ | 73. | 5 | примѣровъ. | „ | 19, 98, 100. |
| „ | 74. | 6 | „ | „ | 98, 101, 100, 97. |
| „ | 75. | 1 | примѣръ. | „ | 99. |
| „ | 76. | 3 | примѣра. | „ | 102. 97, 39. |
| „ | 77. | 4 | „ | „ | 101, 94, 93. |
| „ | 78. | 1 | „ | „ | 102. |
| „ | 79. | 4 | „ | „ | 101, 102, 15, 79. |
| „ | 80. | 1 | „ | „ | 98. |
| „ | 81. | 3 | „ | „ | 93, 102, 107. |
| „ | 82. | 1 | „ | „ | 105. |
| „ | 83. | 1 | „ | „ | 105. |
| „ | 84. | 5 | „ | „ | 86, 105, 103. |
| „ | 86. | 3 | „ | „ | 18, 19, 20. |
| „ | 87. | 3 | „ | „ | 23, 52, 106. |
| „ | 88. | 1 | „ | „ | 53. |
| „ | 89. | 5 | „ | „ | 103. 106, 107. |
| „ | 90. | 3 | „ | „ | 54, 77, 102. |
| „ | 91. | 1 | „ | „ | 101. |
| „ | 92. | 5 | „ | „ | 108, 5, 103. |
| „ | 97. | 1 | „ | „ | 94—95. |
| „ | 98. | 2 | примѣра. | „ | 52, 45. (Береза). |

Въ статьѣ „О періодѣ“ 10 періодовъ тѣ же, что и въ Синтаксисѣ г. Петрова № 1—б, в; № 2; № 4; № 5—а, б; № 6—б; № 7- а, б; № 8—а.

Теперь нѣсколько словъ о „Краткомъ практическомъ синтаксисѣ русскаго языка для городскихъ училищъ“ того же автора. Въ этой книжкѣ составитель выпустилъ такіе отдѣлы какъ „Согласованіе и управленіе словъ“, (стр. 34—36); „Придаточныя подлежащія и придаточныя сказуемыя предложенія“, (стр. 46—49); „Сложное предложеніе изъ самостоятельныхъ, или независимыхъ“, (стр. 72—81); выпустилъ статью „Смерть дерева“, значительно сократилъ статью „О періодѣ“ и т. д.*).

Мы рѣшительно не можемъ согласиться съ нѣкоторыми изъ этихъ сокращеній и

*) Сокращены §§ 35 и 36, въ которыхъ содержатся выводы, относящіеся къ предложеніямъ придаточнымъ обстоятельственнымъ времени и образа дѣйствія.

признать ихъ полезными По мнѣнію г Абраменко, ученики средне-учебныхъ заведеній могутъ знакомиться и съ „Согласованіемъ и управленіемъ словъ“, и съ „Придаточными подлежащими и сказуемыми, и со „Сложнымъ предложеніемъ изъ самостоятельныхъ, или независимыхъ“. Для учениковъ же городскихъ училищъ всего этого не полагается Неужели и здѣсь имѣетъ значеніе „бѣлая кость“? Дѣтямъ болѣе или менѣе привилегированнаго сословія слѣдуетъ-де и языкъ родной болѣе изучать, какъ въ былое время полагалось имъ изучать французскій языкъ. Не должно забывать и того, что въ городскихъ училищахъ русскій языкъ составляетъ единственный предметъ такъ называемаго „формальнаго развитія“ *) Ученики гимназій и реальныхъ училищъ завалены грамматиками языковъ. Городскія же училища въ этомъ отношеніи гораздо бѣднѣе: у нихъ одинъ языкъ, родной, и поэтому никоимъ образомъ не слѣдуетъ лишать ихъ того, что принадлежитъ имъ по праву. Понятіе о согласованіи и управленіи словъ, о придаточныхъ подлежащихъ и сказуемыхъ и въ особенности понятіе о сложномъ предложеніи, составленномъ изъ предложеній самостоятельныхъ или независимыхъ,— все это столь необходимо, что устраненіе всего этого есть дѣло чистаго произвола.

Признаемъ необходимымъ сказать, что наши взгляды относительно заимствованій г. Абраменко у г. Петрова нашли себѣ подтвержденіе въ рецензіи члена Ученаго Комитета г. Анненскаго, помѣщенной въ мартовской книжкѣ 1906 г. „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Разбирая учебникъ г. Абраменко, рецензентъ приходитъ къ выводамъ, весьма неблагопріятнымъ для составителя разбираемой имъ книжки. Онъ прямо указываетъ на то, что иногда г. Абраменко заимствуетъ у г. Петрова цѣлые наборы примѣровъ, что уже **совсѣмъ нехорошо**“. **). „Планъ книги г. Абраменко имѣетъ тоже несомнѣнное сходство съ планомъ учебника г. Петрова... сходствуютъ даже детали: самая грамматика печатается мелко, теоріи же предшествуютъ примѣры, а слѣдуютъ за ней задачи“.

Подводя итогъ всему вышеизложенному, мы приходимъ къ такимъ выводамъ: 1. Обѣ книжки г Абраменко написаны подъ сильнымъ вліяніемъ синтаксиса г. Петрова; 2. Весьма многіе примѣры измѣнены и искажены во вредъ самому дѣлу; 3. Трудъ г. Абраменко, какъ компиляція, не вноситъ ничего новаго, кромѣ новыхъ ошибокъ; 4. Его учебникъ является помѣхой эстетическому образованію дѣтей, о которомъ особенно, согласно постановленіямъ на съѣздахъ въ Дрезденѣ и Веймарѣ, долженъ заботиться преподаватель родного языка (см. статью объ эстетическомъ образованіи въ журналѣ М. Н. П. 1906 г., апрѣль)

*) О важности грамматической рефлексіи см. выше.
**) Шрифтъ составителя брошюры.

# Отзывы о книжкахъ *).

„Русскій языкъ“ опытъ практическаго учебника русской грамматики. Состав. Конст. Ѳедор. Петровъ. I. Синтаксисъ въ образцахъ. (Съ приложеніемъ статьи о періодахъ). 14-ое изд. Ц. 40 к. 1907 г. II. Этимологія въ образцахъ. Изд. 13. Ц. 40 к. 1907 г.

1) Изъ выписки журнала Учебнаго Комитета, состоящаго при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи... „Выборъ статей хорошъ, вездѣ описаніе русской природы и жизни... характеръ практическаго учебника вездѣ выдержанъ. Учебный комитетъ положилъ: сочиненіе К. Ѳ. Петрова рекомендовать какъ руководство для низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ гимназій“...

2) Допущена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: „По полнотѣ изложенія теоретическихъ данныхъ о русскомъ синтаксисѣ, по умѣнью разъяснить многія запутанныя правила его, по обилію удачныхъ примѣровъ, данныхъ въ видѣ отдѣльныхъ предложеній или значительныхъ отрывковъ, по отсутствію корректурныхъ ошибокъ (что обнаруживаетъ особенную заботливость автора о своемъ трудѣ) мы находимъ „Учебникъ“ г. Петрова удовлетворительно составленнымъ“...

3) Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ призналъ возможнымъ допустить книгу „Русскій языкъ“ для употребленія въ училищахъ мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ.

4) Комитетъ Морскихъ учебныхъ заведеній постановилъ рекомендовать изданныя г. Петровымъ книги подъ названіемъ „Русскій языкъ“ какъ руководство для младшихъ классовъ Морскихъ училищъ.

5) Рекомендованы Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для фундаментальныхъ библіотекъ кадетскихъ корпусовъ.

6) С.-Петер. Вѣд. 1879 г. № 333... Надо отъ души порадоваться появленію учебника г. Петрова и радоваться по слѣдующимъ причинамъ... Мы видимъ, что авторъ имѣлъ постоянно въ виду дѣтей, для которыхъ предназначается книга; каждую страничку онъ тщательно и съ любовью къ дѣлу отдѣлывалъ... Кромѣ того, весь трудъ обнаруживаетъ серьезную работу спеціалиста по своему предмету. Преимущество этого учебника передъ остальными заключается въ толково подобранныхъ примѣрахъ, интересныхъ своимъ разнообразіемъ.

7) Молва, № 341, 1879 г.... Порядокъ изложенія, разнообразіе примѣровъ, искусно приноровленныя задачи—все вмѣстѣ придаетъ учебнику г. Петрова ту живость, которая такъ необходима во всякомъ учебникѣ роднаго языка.

8) Отголоски, № 3, 1880 г.... Авторъ учебника ввелъ въ дѣло практическаго преподаванія языка нѣкоторую связь и послѣдовательность въ урокахъ, не разбивая отдѣловъ грамматики и не дробя ихъ.

9) Начальный учитель, № 56, 1880 г.... Слѣдуетъ сказать, что большинство при-

*) Помѣщаю отзывы о моихъ книгахъ въ виду защиты моей грамматики. До сего времени не было въ этомъ надобности. Если бы я предвидѣлъ раньше то, что можетъ произойти, то, конечно, собралъ все, что о нихъ писалось. Даже, о чемъ очень сожалѣю, у меня нѣтъ подъ руками блестящаго отзыва о нихъ профессора А. Л. Погодина, помѣщеннаго въ газетѣ „Новое Время“ въ 1895 или 96 году, въ мартѣ или апрѣлѣ мѣсяцѣ.

мѣровъ хорошо подобрано. Задачи дѣльны. Примѣры и статьи для повторенія удачно подобраны. Вопросы полезны.

10 Народная Школа, № 10, 1880 г.... Примѣры и статьи подобраны удачно...

11) Педагогическая хроника, 1880 г., № 6, стр. 106... Такъ изъ весьма разнообразныхъ и съ знаніемъ дѣла подобранныхъ примѣровъ. . Синтаксисъ представляетъ довольно богатый и разнообразный синтаксическій матеріалъ. Примѣры взяты изъ нашихъ лучшихъ писателей и подобраны весьма удачно.

12) Россійская Библіографія № 1, 1880 г.... Свѣдѣнія сообщены въ такомъ порядкѣ, чтобы ученикъ въ выводахъ новаго урока не встрѣтился съ такимъ терминомъ. который ему еще не разъясненъ и непонятенъ... Послѣ выводовъ къ каждому уроку прибавлены задачи, а въ концѣ каждаго отдѣла помѣщены образцы упражненій, статьи образцовыхъ писателей, упражненія въ постановкѣ знаковъ препинанія и вопросы для повторенія...

13) Новости, № 50, 1880 г.. . Составитель этого учебника стремится поставить дѣло на болѣе правильную почву. помирить теорію съ практикой, не давая ни той, ни другой перевѣса... Составитель старается практически, на удачно подобранныхъ примѣрахъ, выяснить особенности русскаго языка... Расположеніе частей грамматики въ строго логическомъ порядкѣ, примѣры изъ нашихъ лучшихъ поэтовъ, а не изъ пословицъ, которыя уже составляютъ синтаксисъ народнаго языка, наконецъ, задачи, образцы разборовъ—все это придастъ учебнику г. Петрова ту живость, которая такъ необходима для преподаванія каждаго предмета, а тѣмъ болѣе роднаго языка.

14) Голосъ, № 17, 1881 г.... Въ самомъ расположеніи уроковъ синтаксиса г. Петровъ слѣдуетъ особому плану... вообще, методъ автора заслуживаетъ вниманія педагоговъ, а успѣхъ книги доказываетъ ея практичность.

15) Изъ книги В. А. Александрова „Обученіе грамотѣ“, стр. 31... Въ Синтаксисѣ подобраны разнообразные примѣры и задачи на всѣ виды предложеній, помѣщенъ сборникъ статей образцовыхъ писателей для упражненія въ постановкѣ знаковъ препинанія. Въ „Выводахъ“ предлагаются самыя краткія и необходимыя синтаксическія правила. Преслѣдуется цѣль, чтобы посредствомъ разбора по смыслу отучить дѣтей отъ механическаго произношенія словъ, показать имъ связь между отдѣльными частями предложенія и самыми предложеніями и чтобы, посредствомъ повторительнаго чтенія однихъ и тѣхъ же примѣровъ на знаки препинанія, довести ученика до толковаго прочтенія рѣчи. Вообще въ книгѣ много удачно подобраннаго матеріала для развитія умственныхъ способностей учащихся, для сознательнаго изученія роднаго языка и для упражненія въ выразительномъ чтеніи.

16) Одесскія Новости, № 2608, 1893 г. Учебникъ г. .. Петрова знакомитъ учащихся съ формами родной рѣчи посредствомъ прекрасно подобранныхъ примѣровъ изъ сочиненій лучшихъ нашихъ авторовъ. Этимъ достигается двоякая цѣль: ученики, знакомясь съ формами рѣчи, попутно ознакомляются также съ лучшими образцами отечественной литературы.

17) Одесскій Вѣстникъ, № 120, 1893 г.... Занимаясь преподаваніемъ роднаго языка въ продолженіе 15 лѣтъ, я вполнѣ убѣдился, что обученіе языка должно быть основано на образцахъ нашихъ лучшихъ писателей и что только съ помощью этихъ примѣровъ учащимися вполнѣ постигаются трудныя мѣста синтаксиса и этимологіи. 15 лѣтъ я неуклонно держался этого взгляда въ дѣлѣ преподаванія; при отсутствіи желаемаго учебника, приходилось самому выискивать и составлять примѣры на грамматическія правила, но неимѣніе времени и поспѣшность выбора этихъ примѣровъ почти всегда затрудняли способъ преподаванія. Небольшое же количество образцовъ въ нашихъ общеупотребляемыхъ грамматикахъ неудовлетворяло желаемому способу преподаванія. Сильно интересуясь всякими методами преподаванія, я въ прошломъ году случайно наткнулся

на „Опыты практическаго учебника русской грамматики“ г Петрова и къ своему удовольствію нашелъ все то, что было предметомъ моихъ стараній и трудовъ въ продолженіе 15 лѣтъ. Пользуясь настоящимъ случаемъ, истеченіемъ одного года со времени введенія учебниковъ г. Петрова во ввѣренномъ мнѣ училищѣ, я считаю себя обязаннымъ обратить вниманіе людей, интересующихся способами преподаванія родного языка, на учебники г. Петрова, тѣмъ болѣе, что по мнѣнію весьма компетентныхъ лицъ, „Синтаксисъ и Этимологія“ г. Петрова признаны полезными для употребленія въ нашихъ школахъ и училищахъ. М. Ѳ. Г.

18) Голосъ, № 91, 1882 г.... Книга г, Петрова „Русскій языкъ. Этимологія въ въ образцахъ“ имѣетъ цѣлью вести преподаваніе чисто практическимъ путемъ. Изъ примѣровъ ученики выводятъ грамматическія правила и потомъ для совершеннаго уясненія и укрѣпленія въ памяти этихъ правилъ даются задачи или, такъ сказать, самостоятельныя упражненія для примѣненія на практикѣ сознанныхъ правилъ и грамматическихъ понятій. Вмѣстѣ съ этимологіей изучается и правописаніе. Примѣры подобраны весьма удовлетворительно, а приводимыя авторомъ многочисленныя задачи дѣйствительно достигаютъ своей цѣли и, сверхъ того, въ состояніи возбудить большой интересъ въ дѣтяхъ и поселить въ нихъ охоту къ тому роду упражненій, какія предлагаетъ авторъ. Задачами для упражненій служатъ, между прочимъ, стихотворенія, басни, сказки, прозаическіе отрывки, пословицы, загадки, поговорки. Словомъ, по методѣ автора, ученики не только запоминаютъ грамматическія правила, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и упражняются въ практическомъ употребленіи ихъ

19) Народная Школа, № 9, стр. 53, 1885 г ... Порядокъ изложенія принятъ здѣсь раціональный, которому слѣдуетъ опытные педагоги. Обученіе начинается съ примѣровъ, изъ которыхъ дѣлаются выводы... Примѣры берутся изъ лучшихъ нашихъ писателей, при чемъ почти всѣ стихотворенія печатаются сплошнымъ текстомъ, какъ проза.

20) Изъ книги В. А. Александрова „Обученіе грамотѣ“.. Въ Этимологіи, кромѣ правилъ, кратко изложенныхъ, примѣровъ, подтверждающихъ правила,—помѣщенъ цѣлый рядъ пословицъ, загадокъ, поговорокъ, которыя напечатаны съ вопросительными знаками въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ можетъ случиться ошибка, такъ что дѣти, переписывая эти упражненія, должны, вмѣсто вопросительнаго знака, или поставить пропущенную букву, или соединить слово и т. д. Чтобы вниманіе дѣтей сосредоточить и заинтересовать ихъ содержаніемъ предложенія, выбраны такія пословицы, поговорки и загадки, въ которыхъ представляются характерныя свойства родного языка. Можно также заставлять дѣтей читать эти примѣры. Много происходитъ ошибокъ отъ свойственной дѣтямъ торопливости. Чтеніе примѣровъ можетъ отучить дѣтей проглатывать, ради поспѣшности, окончанія словъ, заставить ихъ читать не торопясь и обращать вниманіе на смыслъ предложенія. Пословицы, поговорки и загадки приведены на всѣ случаи затруднительнаго письма во всѣхъ частяхъ рѣчи. Кромѣ того, въ книгѣ помѣщены басни, стихотворенія, отрывки изъ сказокъ и описательныя статьи, въ которыхъ слова, замѣчательныя или своимъ правописаніемъ, или напоминающія тѣ правила, которыя помѣщены въ „Выводахъ“, напечатаны курсивомъ.

21) Русская Мысль, 1896 г. (май мѣсяцъ)... Свою Этимологію въ образцахъ г. Петровъ вполнѣ основательно называетъ „практическимъ учебникомъ русской грамматики“, а такъ какъ для школы и нужны именно такіе учебники, то разбираемая книга является въ полномъ смыслѣ слова—цѣлесообразной. Существуетъ очень мало учебниковъ по русской грамматикѣ, въ которыхъ бы, подобно Этимологіи въ образцахъ, находились самыя разнообразныя задачи для учащихся, и это-то и составляетъ, на нашъ взглядъ, главное достоинство книги г Петрова. Означенныя задачи помѣщены тотчасъ послѣ выученныхъ правилъ и всегда разсчитаны столько же на навыкъ руки, что, въ концѣ концовъ, можетъ выработаться въ учащихся навыкъ къ внимательному

письму. Но, помимо этого, Этимологія въ образцахъ отличается и другими достоинствами: такъ, всѣ правила въ ней постоянно выводятся изъ примѣровъ, учебный матеріалъ расположенъ весьма систематично.

22) Обзоръ учебной и научной литературы по Русскому языку, изд. Педагогич. Музея военно-учебныхъ заведеній, 1896 г.: Изложеніе систематическое. Каждый параграфъ состоитъ изъ 3 частей: примѣры—выводы—задачи. Главное достоинство учебника—въ большомъ выборѣ примѣровъ, взятыхъ изъ образцовыхъ произведеній или изъ пословицъ.

23) Русская мысль № 11, 1889 г.... Мы говоримъ о взглядѣ на дѣло преподаванія родного языка, которому г Петровъ остается вѣренъ цѣлыя 10 лѣтъ. Сущность этого взгляда заключается въ томъ, что „въ руководствѣ синтаксиса не примѣры должны быть поддѣланы подъ правила грамматики а правила бы вытекали изъ примѣровъ“. Иначе, какъ съ сочувствіемъ нельзя отнестись къ подобной точкѣ зрѣнія, такъ какъ именно въ ней заключается условіе наглядности при обученіи, и г. Петровъ на протяженіи всего синтаксиса проводитъ наглядный методъ обученія. Что касается правилъ, выводимыхъ изъ примѣровъ, то они выражены столько же толково, сколько полно и понятно. Интересна также попытка облегчить обучающимся пониманіе отношенія между именемъ существительнымъ и подлежащимъ, глаголомъ и сказуемымъ и т. д. Самые примѣры г. Петрова не сочинены имъ самимъ, а взяты изъ произведеній нашихъ лучшихъ писателей и поэтовъ, что дѣлаетъ ихъ живыми и выразительными.

24) Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы, состав. по порученію СПБ. Комитета Грамотности спец. комис. 1895 г.... Особенность и вмѣстѣ съ нею выдающееся достоинство грамматики г. Петрова состоитъ въ томъ, что, дѣйствительно, это—учебникъ практическій: во-первыхъ, всѣ грамматическія изложенія выводятся въ немъ изъ предварительной работы надъ словами и предложеніями; во-вторыхъ, курсъ грамматики изложенъ здѣсь совмѣстно съ упражненіями въ правописаніи. Книжка несомнѣнно серьезная и полезная—плодъ кропотливой, добросовѣстной работы опытнаго преподавателя“.

Институт научной информации
и фундаментальных библиотек
по общественным наукам
25.1.71